

ПИСЬМА К ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ

(1853—1859)*

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» АРХИВОМ ГОРОДА РИМА

Публикация и комментарии Н. Д. Э ф р о с

Предисловие Н. Е. З а с т е н к е р а

В перечне имен итальянских революционеров — друзей и близких знакомых Герцена — Пианчиани обычно не упоминается. Это не следствие забывчивости биографов Герцена и исследователей его западных связей. Автор «Былого и дум», посвятивший немало страниц рассказу о деятелях итальянского революционного национально-освободительного движения, которых он близко знал, как видно, не причислил к ним Пианчиани. В своем рассказе он ничего не сказал о связях с этим человеком и не объяснил причин такого умолчания. Материал для догадок по этому поводу дает нам отчасти биография Пианчиани.

Луиджи Пианчиани (1810—1890) был отпрыском весьма состоятельной консервативной графской семьи из Сполето. Родился он в Риме, там и прожил первую половину жизни: изучал юриспруденцию и служил в таможенном ведомстве, дослужившись до поста генерального инспектора таможен папского государства. В 1847 г. на родине отца, в Сполето, Пианчиани был избран гонфалоньером (архаическая должность представителя исполнительной власти, возглавлявшего местное ополчение). В предреволюционной обстановке Пианчиани примкнул к либеральному движению, требовавшему реформ в папских владениях, а после начала революции 1848 г. участвовал в освободительной борьбе против австрийского владычества. Пианчиани деятельно занимался вооружением волонтерских отрядов, отправлявшихся из папской области в Северную Италию для участия в национальной войне против Австрии. Сам он принял активнейшее участие в этой войне, сначала в чине капитана, а затем полковника 3-го полка дивизии Феррари, сражавшейся против австрийцев в венецианской области. В ряде сражений, особенно при обороне Венеции, Пианчиани показал себя убежденным противником капитулянтской, трусливой тактики «королевской войны», сторонники которой — генералы и политики во главе с сардинским королем Карлом-Альбертом и пьемонтскими либералами — боялись итальянского народа куда больше, чем австрийцев.

Опыт этой войны и поражений, обусловленных предательством итальянских монархов и антиреволюционной политикой умеренных либералов-конституционалистов, сделал Пианчиани, на время, республиканцем самого радикального толка. Он приветствовал римскую революцию и свержение папской власти и был избран депутатом римского Учредительного собрания, а затем — членом комиссии, разработавшей конституцию Римской республики. Весной 1849 г. Пианчиани участвовал в возобновившейся войне против Австрии, командуя 2-й дивизией римских войск. После катастрофы у Наварры он пытался организовать оборону Болоньи от австрийцев, а затем, вернувшись в Рим, сражался в рядах защитников республики от французских интервентов

* Перевод с французского М. В. Вахтеровой.

и в одном из последних сражений был взят в плен. После освобождения из плена Пианчиани эмигрировал и поселился во Франции, где примкнул к созданной Маццини «Национальной итальянской ассоциации». Летом 1851 г., вместе с многими другими эмигрантами-маццинистами, Пианчиани переехал на жительство в Англию.

Мы не нашли никаких следов участия Пианчиани в тех идейных конфликтах, какие стали возникать в 1851 г. в маццинистском лагере, где начало выкристаллизовываться левое крыло. Сторонники этого направления выступали с критикой сектантской тактики Маццини, осуждали его религиозные идеи и настаивали на выдвижении лозунгов аграрного переворота в Италии в интересах крестьянства. Но, судя по той позиции, которую занял Пианчиани впоследствии, он, если и не примыкал к левому течению в маццинизме, то находился под влиянием идей этого течения.

В 1854 г. Пианчиани переехал из Лондона на остров Джерси и вошел в состав редакции еженедельной газеты «L'Homme», органа «универсальной демократической и социальной республики». Возглавлял это издание Ш. Рибейроль — бывший редактор «La Réforme».

Вступлением в редакцию влиятельной газеты, объединявшей вокруг ядра французской буржуазно-демократической эмиграции многих деятелей эмиграции других стран, Пианчиани был обязан, прежде всего, В. Гюго, с которым он находился в дружеских отношениях и роль которого в издании «L'Homme» общеизвестна. С деятельностью Пианчиани в качестве руководящего члена редакции «L'Homme» (Герцен в письме к Саффи от 16 марта 1855 г. назвал его «отцом „L'Homme“»), связано и развитие отношений Герцена с Пианчиани, отражением которых явились печатаемые ниже письма Герцена. Период их дружеских связей был непродолжительным. В октябре 1855 г. Пианчиани, вместе с другими эмигрантами — членами редакции «L'Homme» — был выслан английскими властями с острова Джерси. Поводом к этому шагу британского правительства, предпринятому в угоду Наполеону III, послужила статья Феликса Пиа, осуждавшая союз Англии с бонапартистской Второй империей и непочтительно отзывавшаяся о королеве Виктории. Существованию газеты «L'Homme» вскоре пришел конец, и Пианчиани (в конце 1856 г.) уехал из Англии. Он отправился сначала в Бельгию и Германию, а потом в Швейцарию, где в 1859 г. опубликовал трехтомный труд «La Rome des papes, ses origines etc.» (Bâle).

В следующем году имя Пианчиани приобрело некоторую известность в связи с итальянскими делами. В период итало-франко-австрийской войны 1859 г., когда усилия революционеров-маццинистов были направлены на то, чтобы вырвать Италию из когтей грозившего ей французского протектората и осуществить объединение страны «снизу», Пианчиани находился в Женеве и вынашивал план организации вторжения в папскую область вооруженной экспедиции добровольцев, с целью поднять восстание и освободить свою родину. В мае 1860 г., после начала гарибальдийского похода в Сицилию, Пианчиани отправился в Италию и занялся реализацией своего проекта. Успехи политики Кавура обнаружили, насколько неустойчивым был радикализм и даже просто республиканизм бывшего редактора «L'Homme».

Пианчиани обращался со своим проектом и к комитетам эмигрантов из папской области, и к руководителям гарибальдийских отрядов, и к пьемонтским либералам, и к правительственным сферам Сардинской монархии. Туринские власти некоторое время склонялись к поддержке проекта Пианчиани, — пока рассчитывали на успех подготовляемого переворота сверху в Неаполитанском королевстве и были заинтересованы в том, чтобы, бросив в папскую область отряды добровольцев, расчистить путь своим войскам в южную Италию до высадки гарибальдийцев. После некоторых проволочек Пианчиани был назначен командующим отрядами добровольцев, готовившихся вторгнуться в папские владения, и ему была оказана скрытая помощь властей в подготовке вторжения. Однако, по мере нарастания в стране революции и продвижения гарибальдийских отрядов на юг, пьемонтские либералы все больше охладевали к предприятию Пианчиани и в конце концов отказались от него. Этому способствовало и то, что Гарибальди, вначале, как видно, одобрявший план вспомогательной экспедиции в папскую область, вынужден был затребовать к себе на юг отряды добровольцев, предназначавшихся для вторжения в папскую область.

Пианчиани не присоединился к силам Гарибальди на юге и остался в Тоскане. В сентябре 1860 г. он был выслан пьемонтскими властями из Флоренции и вернулся в Женеву. Вскоре он выпустил разоблачительную книгу, посвященную указанным событиям, полную проклятий и обвинений по адресу предателей-кавуристов и оправданий своих действий (L. P i a n c i a n i. Dell'andamenti delle cose in Italia, Milano, 1860). Тем не менее, сочинение Пианчиани свидетельствовало о том, что он фактически отбрасывал республиканское знамя и переходил на сторону поборников объединения Италии под властью Сардинской монархии. Несмотря на подчеркнутое восхваление Маццини, Пианчиани обосновывал в своей книге тот пункт итальянского ренегатского «трансформизма», который через пять лет сформулировал Криспи словами: «Монархия итальянцев объединяет, а республика их разъединяет». Совершенно так же Пианчиани утверждал, что «национальное единство сейчас не может осуществиться иначе, как с королем Виктором-Эммануилом», и было бы «безумством» не видеть, что «другое знамя, знамя республиканское, вызвало бы раскол, вместо того, чтобы способствовать объединению» (L. P i a n c i a n i. Op. cit., p. 322). При этом бывший редактор «L'Homme» всячески открещивался от идей, которыми увлекался в начале пятидесятых годов. Он высмеивал как клеветнический вздор самую мысль о том, что республиканцы намерены развернуть в Италии знамя социализма.

В дальнейшем Пианчиани участвовал в гарибальдийских кампаниях 1866 и 1867 гг. против Австрии и папских войск, а в 1870 г., после освобождения Рима, стал первым мэром столицы итальянского королевства. В последние два десятилетия своей жизни Пианчиани неоднократно избирался депутатом итальянского парламента. В эти годы он ничем не выделялся среди других бывших маццинистов, показывавших своим «трансформизмом», как развивался после объединения страны отмеченный Лениным процесс превращения революционно-демократической, революционно-буржуазной Италии в Италию реакционную, агрессивную и империалистическую.

Итак, к тому времени, когда писались «итальянские» страницы и разделы четвертой и пятой частей «Былого и дум», то есть к началу и середине шестидесятых годов, в облике Пианчиани проступили уже черты попутчика революционного движения, никак не заслуживавшего места в галерее героических образов итальянских революционеров «Былого и дум». Знакомство с Пианчиани уже тогда, очевидно, представлялось Герцену тем, чем оно и было в действительности, — не слишком значительным эпизодом его эмигрантской жизни.

Это, однако, нисколько не умаляет того интереса, какой представляют публикуемые письма к Пианчиани, писавшиеся Герценом в лондонский период жизни, между 1853 и 1859 гг. Эти тридцать девять писем позволяют прежде всего лучше понять настроения Герцена в самые тяжкие годы его эмигрантского одиночества. Письма углубляют понимание той критической позиции, какую занимал Герцен по отношению к эмиграции пятидесятых годов — к разнообразным течениям буржуазной и мелкобуржуазной демократии, потерпевшей поражение в ходе революции. Поучительны в этом смысле взаимоотношения Герцена с газетой «L'Homme», в которой играл такую видную роль адресат его писем.

Письма к Пианчиани выразительно и довольно полно характеризуют отношения Герцена с редакторами «L'Homme». Многосторонние сведения об этих отношениях, рассыпанные по страницам герценовских писем, доказывают, что сотрудничество в «L'Homme» было для Герцена почти вынужденным. Оно объяснялось не сочувствием направлению газеты, не согласием с ее идейной платформой, а тем, что эта газета предоставляла тогда Герцену одну из немногих возможностей общения с европейским демократическим читателем. Это общение, и раньше весьма неширокое, еще более сузилось в 1854 г., когда Герцен, по его собственным словам, «порвал всякие отношения» с английской газетой «Leader», придя к выводу, что «это реакционный листок» (письмо от 17 февраля 1854 г.). Республиканский журнал Линтона «The English Republic» имел крайне ограниченную аудиторию даже в самой Англии. То же самое можно сказать об американской газете на французском языке «Républicain de New-York», малс читавшейся в Европе. Оставалась путаная, весьма неустойчивая в своих взглядах бельгийская газетка «La Nation», служившая рупором тривиальнейших демократических

идей Ледрю-Роллена; оставалась ограниченная возможность использовать, через Головина, неразборчивый и беспринципный «The Morning Advertiser». На этом фоне газета «L'Homme» являлась пристанищем, открывавшим доступ к более широкому и более интересному кругу читателей, притом — пристанищем, которое не могло скомпрометировать Герцена, поскольку республиканско-демократическая репутация этой газеты была вне всякого сомнения.

В своей эмигрантской изоляции начала пятидесятых годов Герцен не мог пренебрегать такой возможностью. Поскольку «L'Homme» растворяла двери «всем революционным мнениям», он печатал в ней время от времени свои крупные публицистические работы, например «Письма к гражданину-редактору „L'Homme“» и «Старый мир и Россия» (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 218—225).

Но при этом Герцен всегда критически расценивал джерсийскую газету, которая в его глазах олицетворяла плоские и беспочвенные иллюзии формальной демократии. Письма к Пианчиани убедительно показывают нам эту критическую позицию Герцена, они содержат многочисленные примеры его критики по адресу «L'Homme», выраженной с достаточной откровенностью. По мнению Герцена, деятели из «L'Homme» — это «люди еще более отсталые, чем Николай (!) и папа», они — «ходячие анахронизмы», а сама газета «содержит лишь риторические упражнения на заданные темы... тирания... ярмо... пробуждение народа... пример Рима... прозаический перевод «Возмездий» Гюго и расшаркивание перед будущим и перед всеми народами» (письмо от 13 апреля 1854 г.). Герцен откровенно высказывал Пианчиани свое мнение о том, что газета «L'Homme» — «жалкий» орган, который «ничего не понимает» в свершающихся событиях. Он причислял сбравшуюся на Джерси эмигрантскую братию к своим «друзьям-врагам», от которых стремился избавиться, задумав переселение из Лондона.

В публикуемых письмах большое место занимают деловые вопросы, связанные с разными личными нуждами Пианчиани: многочисленные просьбы о содействии в публикации статей, о поручительстве перед домом Ротшильда для получения кредита, учет векселей и т. п. Обращают на себя внимание отказы Герцена в денежной помощи газете «L'Homme» и вообще твердый отпор стремлениям Пианчиани привлечь его к более близкому участию в джерсийском печатном предприятии. Такое сопротивление Герцена вполне понятно после всего, что было сказано выше о его отношении к «L'Homme» и об оценке всего идейного направления этой газеты. Но, помимо глубоких идейных расхождений, здесь имело место еще одно обстоятельство, важность которого оценит биограф Герцена и исследователь его роли в революционном движении: ссорность и целеустремленность Герцена при решении важнейшей задачи, поставленной им перед самим собой, — всеми силами и средствами, словом и пером служить освободительному движению русского народа. Подготавливая издание «Полярной звезды», Герцен писал Пианчиани: «Я не могу, не имею права дробить свои силы. Я тружусь, я полезен русскому обществу (может быть я ошибаюсь, но это уж мой конок). Надо иметь мужество ограничить себя» (письмо от 16 марта 1855 г.).

Интереснейшая тема печатаемых писем к Пианчиани — многочисленные разъяснения Герценом своих взглядов на великую историческую будущность России, призванной, по его мнению, омолодить «дряхлающую» буржуазную Европу славянским общинным социализмом. Для понимания соответствующих мест из писем надо помнить, что статьи «Старый мир и Россия», в которых Герцен развивал эти взгляды, породили многочисленные отклики в английской и немецкой прессе. Среди них было немало клеветнических обвинений Герцена в прислужничестве царизму и его завоевательным планам, в писании «под диктовку царского кабинета». Именно так и выразился анонимный критик Герцена, выступивший против него в «The Leader» от 22 апреля 1854 г. В другой газете («The Morning Advertiser» от 24 апреля) Герцен был обвинен в «панславистских, казацких и греко-славистских» писаниях, имеющих целью, путем поощрения греческого восстания против турок, подготовить захват Константинополя русскими войсками. В ряде писем к Пианчиани, особенно в письме от 26 или 27 апреля 1854 г., Герцен негодуяше писал об этих клеветнических нападках. С возмущением отмечал он, что Восточная война породила бешеный национализм и психоз подозрений даже в левых демократических кругах. Герцен ядовито высме-

ивал этот психоз и обращал внимание ПIANЧИАНИ на то, что орган Ледрю-Роллена «La Nation» договорился даже до утверждения, «будто итальянцев возбуждают к восстанию русские агенты...».

Герцен гневно клеймил «это тупоумное непонимание», которое встречала его точка зрения. В подобных клеветах он усматривал не случайное явление и не сводил его корни к одному лишь военно-националистическому угару. Герцен связывал шовинизм эмигрантов с тем тревожным явлением в западноевропейской демократии,

ЛУИДЖИ ПИАНЧИАНИ

Литография с рисунка Дж. Мариани, 1850-е гг.

Центральный музей Risorgimento, Рим

которое он подробнее обсуждал с Саффи (см. письмо от 19 июня 1854 г.) и которого он — в тот же день — коснулся в переписке с менее близким ему ПIANЧИАНИ. «... половина эмиграции охвачена, — говорит он, — *тайным* бонапартизмом, то есть бонапартизмом стыдливым; из приличия они не называют прямо Бонапарта, но считают, что это он, вместе с палачами Венгрии и Италии, спасет цивилизацию. Какая путаница в мыслях!» (письмо от 19 июня 1854 г.). Именно эту опасность усиления бонапартистского поветрия имел в виду Герцен, высказывая ПIANЧИАНИ свои сомнения в том, насколько положительной будет для судеб французского и итальянского народов роль военных побед союзников в Крымской войне. «Для нас это превосходно, не знаю, хорошо ли это также для Франции и Италии», — писал он в раздумье (там же). Свою точку зрения Герцен разъяснил в следующих замечательных строках письма к ПIANЧИАНИ от 26 или 27 апреля 1854 г.: «Как можно быть настолько глупым,

чтобы не видеть исключительное внутреннее единство во всем, что я пишу, решительную оппозицию царской власти и чрезмерной петербургской централизации. Но я твердо верю, и моя вера основана на глубочайшем внутреннем убеждении, что не так далеко время создания великой республиканской федерации южных славян. По какому же праву стал бы я осуждать греческое восстание только потому, что оно осложняет англо-бонапартистские дела?.. Впрочем, мы достаточно говорили обо всех этих вещах. Человеческая глупость непостижима, дикое невежество не имеет границ. Попробуйте объяснить им, что революционное *действие* не могло бы привлечь симпатии, если бы оно не было связано с любовью к отечеству. С одной ненавистью можно мстить, но нельзя поднять массы». Глубокая связь между революционным пораженчеством и революционным патриотизмом Герцена подчеркнута здесь с редкой выразительностью, и это место из переписки с Пианчиани должно войти во всякое научное исследование идей и деятельности Герцена.

Значение публикуемых писем вырастает еще по одной причине. Исследователь найдет здесь новые данные для решения еще не вполне выясненного вопроса о том, как отразилось на деятелях итальянского демократического движения их тесное общение с великим русским мыслителем и революционером — Герценом. В литературе по данному вопросу приводится один пример непосредственного влияния герценовского народнического социализма пятидесятых годов на итальянских революционеров середины XIX века, — пример влияния на Карло Пизакане. Ряд итальянских исследователей (см., в частности: N. Rosselli. Carlo Pisacane nel Risorgimento italiano. Torino, 1932, p. 194—195) признает, что идейное развитие влево этого революционного демократа, одаренного представителя утопического социализма эпохи Risorgimento, во многом объясняется его знакомством с Герценом в 1852 г., когда Герцен, по его собственному признанию, «не раз беседовал с ним о судьбах его печальной родины...». В своем вдохновенном труде об итальянском Risorgimento Грамши проницательно оценил сближение Пизакане с русским народническим социализмом, отметив большое влияние Герцена (см. A. Gramsci. Il Risorgimento, 1949, p. 115—116).

Еще одно доказательство широкого идейного влияния Герцена на итальянских революционеров дают отношения Герцена с Пианчиани; характер этих отношений достаточно полно раскрывается в публикуемых письмах. В годы интенсивной переписки Герцена и Пианчиани, «отец „L'Homme“» выступал ревностным сторонником социализма, весьма схожего с мелкобуржуазным утопическим социализмом Пизакане. Пианчиани пропагандировал со страниц «L'Homme» социальную программу итальянского освободительного движения, в которой, при всей ее сбивчивости и необдуманности, нетрудно было заметить стремление преодолеть пороки маццинистской программы «Бог и Народ» — программы объединения Италии в буржуазной республике с отказом от глубоких социальных преобразований, особенно в аграрно-крестьянском вопросе, и с сохранением могущества католической церкви и религии. Пункты эти составляли ту сторону маццинизма, которую часто критиковал Герцен.

В какой мере на социальных идеях и социальной программе Пианчиани сказалось его общение с Герценом, можно судить по выступлениям Пианчиани на страницах «L'Homme». Интересным и характерным документом является большая статья Пианчиани «О революции и Италии» («L'Homme», № 50, 51, 52, 53 за ноябрь 1854 г.), вышедшая затем отдельной брошюрой («De la révolution et de l'Italie, par L. Pianciani»). Пианчиани доказывал, что революция в Италии является составной частью назревавшей повсюду «универсальной» революции, общая цель которой, по существу, едина — «республиканская, демократическая и социальная революция». Италия стремится к этой цели не менее, чем другие народы, и может, как и они, немедленно, «с сегодняшнего дня выступить на линию огня». Оправдывая этим заговорщическую, путчистскую тактику Маццини, которую и сам разделял, Пианчиани решительно оспаривал, однако, известный тезис Маццини — что социализм и проповедуемые им преобразования могут лишь расколоть, разединить революционные силы итальянской нации. «Революционные силы, — писал Пианчиани, — это люди, права и интересы которых революция призвана установить и обеспечить. Их <этих людей> социальная идея не только не разединит, но объединит. Скажите городскому работнику: ты станешь сам себе

хозяином, скажите сельскому работнику: ты станешь сам собственником, и счет солдат революции будет вестись по числу пролетариев.

Интересна полемика, которую развернул Пианчиани против доводов о том, что Италия еще не созрела для коренных социальных преобразований, в отличие от более передовых стран, с их историческим опытом развития. Пианчиани доказывал, что «социализм в Италии — старая идея», и ссылался на Гракхов, Катилину, на статуи эрденековых итальянских городов и т. п.

«Наш социализм,— я охотно это допускаю,— далеко не всегда был научным (*n'a pas été bien souvent scientifique*), но если уж говорить о науке, я мог бы напомнить, что Кампанелла жил гораздо раньше, чем Сен-Симон». С другой стороны,— и это выдвигалось Пианчиани, как главный аргумент,— он высмеивал мысль, будто Италия обязательно должна пройти путь исторического развития, проторенный более передовыми странами и «повторить те же ошибки», что и другие; будто она должна проделать опыт конституционной монархии и буржуазной республики, прежде чем решать социальный вопрос. Пианчиани подчеркивал, что опыт других народов является достоянием всех наций и может помочь им избежать ошибок. «К чему обрекать Италию на прохождение через этот ублюдочный деморализующий режим? Она почувствовала его на себе в 1848 году, она знает ему цену, она чувствует его еще и теперь... Италия знает, чего стоит формальный республиканский режим, она видела, как он привел к июньским дням 1848 и к декабрьским дням 1851 года; она ощутила его когти при осаде Рима и не забудет этого».

Не менее любопытными были рассуждения Пианчиани о необходимости для Италии избежать «социального недомогания» (*malaise social*), которое в настоящее время чувствуется там слабее, чем в других странах, но будет неизбежно усиливаться вместе с экономическим развитием, составляющим «материальный интерес революции».

Эта мысль проходила красной нитью через все рассуждения Пианчиани об итальянской революции. Указывая на усиливающееся в Италии порабощение труда капиталом, на то, что у сельского работника, умножающего стоимость земли, «крадется его собственность», он подчеркивал, что революция должна «помешать росту этих последствий, устранив их причины». Италия, которая не желает быть обреченной на постоянную нищету, тем более не хочет достичь своего материального благосостояния ценой нищеты большинства. Поэтому, не дожидаясь последствий, она хочет избежать тех причин, которые стоили другим странам столько слез и крови. «Другие нации были таким образом доведены до репрессивных мер. Италия же может, хочет, должна использовать их опыт, чтобы принять предупредительные меры (*pour faire de la prévention*)». Как видим, Пианчиани трактовал «социальную революцию» в духе идей мелкобуржуазного социализма, как программу социальных преобразований, имеющих целью предотвратить обострение классовых противоречий капитализма, обеспечить рабочим «продукт их труда», а крестьянам — земельную собственность. Отличие его идей от идей герценовского «общинного социализма» бросается в глаза. Мы найдем отличия и в их политических программах. Пианчиани отвергал для Италии и федеративный принцип и «муниципализацию» ее государственной жизни и высказывался очень внятно за крепкое национальное единство страны в республике, хотя, в то же время, туманно говорил о том, что республика должна сохранять за общиной ее особую жизнь.

Несмотря на все это, в статьях Пианчиани можно найти немало свидетельств влияния герценовской мысли. Пути и формы этого влияния были различны. Философско-исторические построения Пианчиани не отличались оригинальностью и во многом являлись перепевом соответствующих воззрений Пизакане. Но напомним, что последние, в свою очередь, были в немалой степени оплодотворены идеями герценовского социализма начала пятидесятых годов. Вместе с тем, на статьях Пианчиани сказывалось и непосредственное влияние Герцена, влияние его произведений, писем, бесед. Мысли Пианчиани о возможности развития Италии не по капиталистическому пути (в отличие от Англии и Франции), о необходимости предупредить, так сказать, «язву пролетариатства» — нельзя не поставить в связь с мыслями о России, которые Герцен развивал в статьях «Старый мир и Россия», печатавшихся в *L'Homme* в начале 1854 г. Герцен доказывал, что Россия не должна «пройти всеми фазами европейского разви-

тия» и что исторический опыт других народов и добытый ими результат «входят в общее достояние всех понимающих» и представляют собой «майорат человечества» (VIII, 45—46). Из письма Герцена к Пианчиани от 17 февраля 1854 г. можно предположить, что последний был знаком со статьями «Старый мир и Россия» еще в рукописи. Мысли Герцена распознаются и в тех местах статей Пианчиани, где доказывалось, что «формальная республика в Италии просто невозможна». Автор статей аргументировал это, между прочим, тем, что Италия относится к странам, где принцип власти наиболее антипатичен населению, и добавлял: «В этом пункте я сошлюсь прямо на иностранцев, которые ее немного знают». Нетрудно догадаться, кого подразумевал здесь Пианчиани, если вспомнить соответствующие страницы «Писем с Via del Corso», где Герцен доказывал ту же мысль (см. изд. АН, т. V, стр. 269—270). Следует иметь в виду, что как раз в 1854 г. Герцен подготавливал второе русское издание своих «Писем из Франции и Италии», и эта тема могла возникать в его беседах с Пианчиани.

Разнообразные следы герценовской мысли можно распознать и в рассуждениях Пианчиани о Крымской войне и политике западных держав. В статьях Пианчиани в заглашенной форме повторялась герценовская критика союзников, лицемерно изображавших эту войну как борьбу за «свободу», против «варварского» самодержавия и крепостнического гнета николаевской империи, тогда как «крестоносцев свободы» представляла эксплуататорская капиталистическая Англия, идущая в союзе с полицейской империей Наполеона III, феодальной османской Турцией и угнетательской габсбургской империей — тюрьмой народов. Говоря о «нелогичном поведении» западных держав, «ведущих борьбу направо, — против принципа привилегии, который они же стремятся защищать у себя дома, и налево — против принципа права, который они же защищают в другом месте», Пианчиани почти буквально воспроизводил мысли Герцена — что Николай I и западноевропейские державы представляют собою друзей-противников и что монархическая и буржуазная Европа «не хочет и не должна иметь серьезной войны с царем» (VIII, 56). Вариацией тех же мыслей Герцена было утверждение Пианчиани, что Николаю не страшны поражения, так как его империя останется воплощением «принципа деспотизма и власти», и «как только появится призрак революции», угрожающей этому принципу, «западные державы сами кинутся в его объятия». Наконец, герценовское влияние бесспорно ощущается на тех страницах статей Пианчиани, где тот возмущался несправедливыми обвинениями, направленными против «революционеров», которые якобы хотят победы России в этой войне.

В письмах к Пианчиани Герцен неоднократно касался клеветнической кампании, поднятой против него буржуазной прессой, и Пианчиани несомненно исходил из герценовских оценок клеветы насчет его «прислужничества царизму».

Какого мнения был Герцен о взглядах Пианчиани вообще и, в частности, о его позиции в итальянских делах? К сожалению, в печатаемых письмах не содержится ясного ответа на этот вопрос. В письмах не упоминаются статьи Пианчиани «О революции и Италии» и почти не затрагиваются вопросы итальянского освободительного движения. Как ни кажется удивительным это обстоятельство, из него нельзя еще заключить, что статьи Пианчиани не привлекали внимания Герцена или прошли для него незамеченными. Прежде всего очевидно, что далеко не все письма Герцена к Пианчиани до нас дошли. Об этом свидетельствует многое и в тексте печатаемых писем и их даты. Можно предположить также, что переписка далеко не исчерпывала всех обсуждавшихся вопросов: немало тем затрагивалось при личных встречах и беседах, неоднократно, как это видно из самой переписки, имевших место.

Печатаемые письма Герцена содержат свидетельства того, что он не был безразличен к литературным выступлениям Пианчиани. Герцен следил за ними и в определенный период видел в Пианчиани до некоторой степени единомышленника.

В этом плане заслуживает внимания письмо Герцена к Пианчиани от 7 декабря 1854 г., в котором содержится оценка речей, произнесенных на праздновании двадцать четвертой годовщины польской революции 1830 г., устроенном эмигрантами на острове Джерси. В числе ораторов был и Пианчиани, произнесший большую речь, в которой резко критиковалась английская политика союза с бонапартистской Второй империей и проповедовался мир и союз народов в борьбе против всяких угнетателей.

Пиянчиаани призывал итальянцев к революционному восстанию под лозунгом «универсальной демократической и социальной республики», которая покончит с господством сабли и с привилегиями капитала.

Похвальный отзыв («вы стали гораздо решительнее там, на Джерси»), который высказал Герцен в письме к Пиянчиаани от 7 декабря 1854 г. о речах джерсийских эмигрантов, относился к выступлению газеты с критикой лицемерной пальмерстоновской политики в Восточной войне. Судя по контексту, к тем двум «замечательным» речам, о которых упоминает Герцен, он причислял и речь Пиянчиаани. Похвала Герцена относилась не только к взглядам Пиянчиаани на международные отношения и внешнюю политику Англии, но распространялась на другие разделы его речи, и в первую очередь на его трактовку задач итальянской революции. Это делает понятным, почему Герцен назвал Пиянчиаани в данном письме «верным солдатом, не меняющим своего знамени».

Столь высокое мнение о Пиянчиаани сохранялось у Герцена недолго. После отъезда Пиянчиаани из Англии, его связи с Герценом, как можно судить по публикуемым письмам, все более и более суживались и в конце концов свелись лишь к переписке по деловым, денежным вопросам. Вскоре и эта переписка приняла эпизодический характер, возобновляясь лишь по случайному поводу. Если мы и не знаем всех конкретных обстоятельств послуживших причиной прекращения близких отношений Герцена с Пиянчиаани, то почву для этого нащупать нетрудно: как писал потом Герцен, «59 и 60 годы раздвинули берега. Личности, партии уяснились, одни окрепли, другие улетучились» (изд. АН, т. XI, стр. 13). «Уяснилась» и личность Пиянчиаани; поскольку его отношения с Герценом никогда не перерастали в прочную духовную связь, неудивительно, что отношения эти свелись к простому знакомству, когда стало видно, что идейно-политическое развитие Пиянчиаани вело и уже привело его к дюжинному буржуазному национализму. Впрочем, Пиянчиаани поддерживал это знакомство и дальше, до конца жизни Герцена. В своих воспоминаниях о встречах с Герценом в 1869 г., в Брюсселе, А. Пятковский свидетельствовал, что в числе посетителей Герцена он встречал и «князя Пиянчиаани (итальянского депутата и почитателя Гарибальди)» («Наблюдатель», 1900, № 4, стр. 295).

ЛОНДОН. ЧЭРИНГ-КРОСС

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Вскоре по приезде в Лондон Герцен поселился на этой улице
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

1

⟨Londres.⟩ 3 avril ⟨1853⟩ Mercredi¹.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Cher monsieur Pianciani,

J'ai perdu l'adresse de Mr Barberi² et il y a évidemment un mésentendu. Je l'ai prié de ne pas venir *un mardi* — et il n'est pas revenu. Dites-lui, de grâce, que nous l'attendons «mardi et vendredi» à 10 h⟨eures⟩.

Excusez-moi, mais je n'ai pas d'autre voie pour lui faire parvenir la mienne.

Et que fait le valet de chambre socialiste?³

A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 3 апреля ⟨1853 г.⟩ Среда¹.
25, Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой господин Пианчianti.

Я потерял адрес г-на Барбери², а у нас с ним произошло явное недоразумение. Я просил его не приходить в *этот вторник*, а он вообще больше не появлялся. Скажите ему, пожалуйста, что мы ждем его «по вторникам и пятницам» в 10 ч⟨асов⟩.

Извините за беспокойство, но только таким путем я могу с ним снестись.

А что поделявает камердинер-социалист?³

A. Герцен

¹ По-видимому, описка. За время пребывания Герцена в Лондоне среда приходилась на 3 апреля лишь в 1858 г. Между тем, в Истон-Сквере, указанном на адресе письма, Герцен жил с марта 1853 по лето 1854 г. Мы датируем письмо 1853 годом, судя по несколько официальному его тону. В дальнейшем, с установлением более близких отношений, Герцен уже не называет своего адресата «дорогим господином Пианчianti», как в настоящем письме, заменяя это обращение простым, дружеским «дорогой Пианчianti».

² Круг итальянских знакомых Герцена до сих пор недостаточно изучен. Может быть, речь идет о находившемся в то время в Лондоне итальянце Тито Барбиери (Barbieri, в транскрипции Герцена Barberi). Барбиери упоминается в письмах Маццини к Джорджине Кроуфорд от июля 1853 г. (Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford (1850—1872). Roma — Milano, 1905, p. 77, 78).

³ Речь идет, очевидно, о приискании работы кому-то из нуждавшихся эмигрантов, среди которых были люди различных профессий: рабочие, ремесленники и т. д. Обращение к Герцену с подобными просьбами характерно (ср., например, следующее письмо к Пианчianti, или письмо Луи Блана к Герцену — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 284).

2

⟨Лондон. 19 июля 1853 г.⟩

Cher monsieur Pianciani,

Enfin je vous envoie mon *ultimatum* concernant la bonne. Il y a deux places, l'une chez moi — place de *valet de chambre*, en voudra-t-elle? Je m'explique — elle doit faire ma chambre et mon cabinet, broser mes habits, servir à table — de même les habits de mon fils.

La seconde place est chez un de mes amis, démocrate et brave homme marié, qui a des enfants — là il faut faire la cuisine et les chambres.

Elle peut venir chez moi quand elle veut le matin (depuis 8 heures) avant 2 heures avec un mot de votre part.

Tout à vous

25, Euston Sq⟨uare⟩

A. Herzen

Mardi 19 juillet.

Перевод:

⟨Лондон. 19 июля 1853 г.⟩

Дорогой господин Пианчianti,

Посылаю вам, наконец, *ультиматум* насчет горничной. Имеется два места. Одно меня — место *камердинера*, согласится ли она? Объяснюсь точнее: она должна

убирать мою спальню и кабинет, чистить платье, прислуживать за столом, а также чистить платье моего сына.

Второе место — у одного моего приятеля, демократа и славного человека, женатого, с детьми; там нужно стряпать и убирать комнаты.

Она может прийти в любой день утром до двух часов (начиная с восьми) с запиской от вас.

Весь ваш

А. Герцен

25, Euston Square.
Вторник, 19 июля

3

<Londres.> 24 janvier <1854>¹. Mardi.
25, Euston Sq<uare>

Mon cher PIANCIANI,

Il ne manquait qu'un coup pour rendre complètement impossible de faire la chose dont nous avons parlé hier. Je vous prie de ne pas penser que c'est un coup de théâtre que je monte, j'ai reçu (*et je vous le montrerai*) de Rotschild une lettre, qu'un *chek* donné par une personne à moi n'a pas été escompté — et je l'ai déjà payé. Ne m'en voulez pas, — je vous donne ma parole d'honneur qu'il *m'est impossible* de faire q<uel>q<ue> chose.

Je tiens pour ma défense la lettre de R<otschild> reçue aujourd'hui à 7 heures>.

Je suis tout confus, mais nul n'est tenu à l'impossible.

Votre dévoué

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 24 января <1853 г.>¹ Вторник.
25, Euston Sq<uare>

Мой дорогой ПИАНЧИАНИ,

Одного только и не хватало, чтобы окончательно лишить меня возможности сделать то, о чем мы вчера говорили. Прошу вас не думать, что я играю комедию; я получил от Ротшильда письмо (*и покажу его вам*) о том, что вексель, данный мне одной особой, не был дисконтирован, и я уже его оплатил. Не сердитесь на меня, — даю вам честное слово, что я решительно ничего *не в состоянии* сделать.

В свое оправдание я храню письмо Р<отшильда>, полученное сегодня в семь ч<асов>.

Я крайне смущен, но нельзя сделать невозможного.

Преданный вам

А. Герцен

¹ Год определяется по адресу. На Истон-Сквере в январе Герцен жил только в 1854 г.

4

<Londres.> 17 février <1854>. Vendredi.
25, Euston Sq<uare>

Je suis bien content que vous me chargiez, cher PIANCIANI, de la petite commission et je vous prie de disposer de moi.

J'ai chargé M. Golovine de demander au *Morning Adv<ertiser>* et je n'ai pas de réponse, avant la réponse je n'ai pas cru nécessaire de faire traduire. On dit que l'article est trop long pour une feuille¹. J'essayerai avec le *Leader* avec lequel j'ai rompu au reste toute relation: c'est une feuille réactionnaire². Si le *Leader* refuse, j'enverrai tout bonnement à Bruxelles et, si vous le désirez, au *Républicain de New-York*³ avec lequel je suis en relation.

Eh bien, l'Autriche — triche le monde et passe, comme il le fallait attendre, dans le camp du tsar⁴. Savez-vous que Garibaldi est ici? Je vous enverrai peut-être aujourd'hui ma première lettre à Linton⁵. Après l'avoir lue passez-la à Saffi.

J'ai terminé cette série de lettres par une exposition de l'état social de la Russie, qui plaît beaucoup à Domengé⁶. Nous voulons les imprimer en français⁷.

Serrez bien la main à Saffi, il faut qu'il m'écrive. — Chez nous tout va doucement; dimanche Domengé et Louis Blanc dînent chez moi.

Votre tout dévoué

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 17 февраля <1854 г.>. Пятница
25, Euston Square

Я очень рад, дорогой Пианчиани, что вы даете мне маленькое поручение, и прошу располагать мною.

Я поручил г. Головину справиться в «Morning Advertiser», но до сих пор не имею ответа; до получения ответа я не считал нужным заказывать перевод. Находят, что статья слишком длинна для газеты¹. Попробую столкнуться с «Leader'ом», хотя я порвал с ним всякие отношения: это реакционный листок². Если «Leader» откажет, я переправлю попросту в Брюссель и, если желаете, в «Républicain de New-York»³, с которым поддерживаю отношения.

Итак, Австрия надувает * народы и переходит, как и следовало ожидать, в лагерь царя⁴. Знаете ли вы, что Гарибальди здесь? Сегодня я, может быть, пошлю вам мое первое письмо к Линтону⁵. По прочтении передайте его Саффи.

Я закончил эту серию писем обзором социальных отношений в России, который очень понравился Доманже⁶. Мы хотим печатать письма по-французски⁷.

Крепко пожмите руку Саффи, пусть он мне напишет. — У нас все по-прежнему; в воскресенье у меня обедают Доманже и Луи Блан.

Преданный вам А. Герцен

¹ О какой статье Пианчиани идет речь, установить не удалось.

² О лондонской еженедельной газете «Leader» см. в настоящем томе (стр. 156).

³ «Le Républicain de New-York» — американская газета, орган французских эмигрантов. Выходила по 30 декабря 1854 г. Была заменена затем газетой «Progrès», издававшейся Эме Молепином (Aimé Molespine).

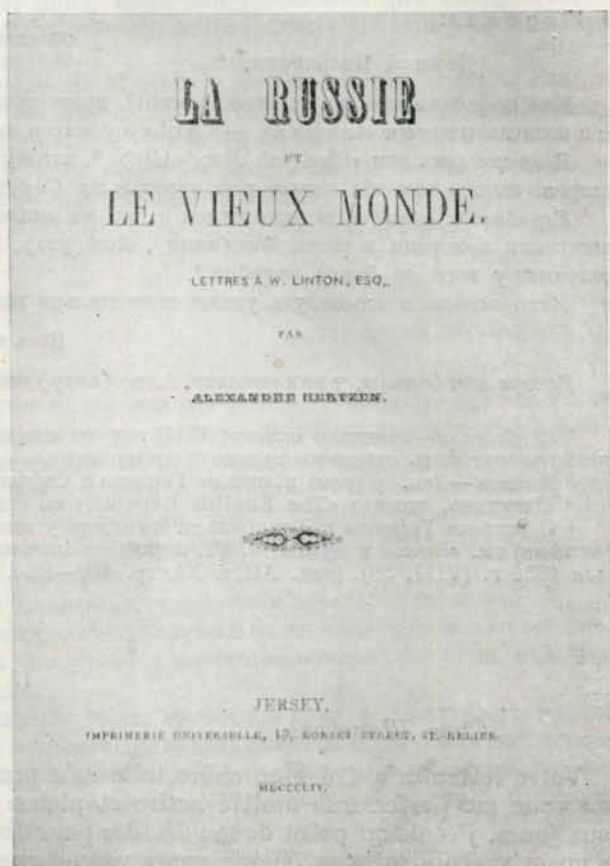
⁴ Во время Восточной войны Австрия заняла враждебную России позицию, хотя формально придерживалась нейтралитета и открыто не объявляла войны. Такая позиция австрийской монархии, до того времени тесно связанной с русским царизмом, была неожиданной, и подлинные намерения австрийского кабинета обнаружились не сразу. Замечание Герцена о том, что Австрия переходит в лагерь царя, было, по всей вероятности, откликом на происходившие в Вене в конце января — начале февраля 1854 г. переговоры А. Ф. Орлова с австрийским правительством. Герцен рассматривает нейтралитет Австрии, формально подтвержденный во время этих переговоров, как скрытую помощь России. Так же расценивал положение и Маркс. В корреспонденции для «Нью-йоркской трибуны» от 7 февраля 1854 г. он писал: «Австрия будет всячески стараться сохранить свою нейтральную позицию до тех пор, пока это будет возможно, и станет на сторону России, как только для этого наступит благоприятный момент» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, 1933, стр. 631).

Вместе с тем широкие круги европейского общества ждали присоединения Австрии к западным державам и вступления ее в войну против России, полагая, что австрийское вмешательство обеспечит военное поражение русского абсолютизма и будет способствовать тем самым ослаблению господствовавшей в Европе реакции. Своим отказом от непосредственного участия в войне Австрия обманула эти надежды. В таком смысле, по-видимому, и надо понимать утверждение Герцена, что она «надувает народы».

⁵ Герцен говорит о своей статье «Старый мир и Россия», написанной в форме писем к В. Линтону — редактору английского журнала «The English Republic», где она и была впервые напечатана.

* В подлиннике каламбур: «Autriche» (Австрия) и «triche» (надувает) звучат сходно.

ПЕРВОЕ
ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
СТАТЬИ «СТАРЫЙ МИР
И РОССИЯ»
ДЖЕРСИ, 1854
Титульный лист
Библиотека СССР им.
В. И. Ленина, Москва

⁶ О Доманже см. в письме к Саффи № 6.

⁷ Письма были, действительно, вскоре напечатаны по-французски, в издававшейся на Джерси газете «L'Homme», №№ 18, 19, 20 от 29 марта, 5 и 12 апреля 1854 г., а затем там же, на Джерси, вышли отдельным изданием.

5

⟨Londres.⟩ 29 février¹ ⟨1854⟩. Mardi

Cher Pianciani,

J'ai du malheur avec votre article. Piggot² après l'avoir tenu une semaine ne l'a pas imprimé dans le dernier № du *Leader* — je ⟨le⟩ prendrai chez lui et j'e l'enverrai à Bruxelles.

Je ne vous ai pas envoyé l'Engl⟨ish⟩ Rep⟨ublic⟩³ car je n'avais plus d'exemplaires, je vous enverrai les deux ensemble ou je les remettrai à Saffi.

Garibaldi est ici, j'ai fait sa connaissance au dîner diplomatique que le consul américain a donné à Maz⟨zini⟩, Kos⟨huth⟩, Garibaldi... etc. Hier j'ai déjeuné chez lui à bord de son vaisseau⁴.

Dès que je saurai quelque chose par rapport à votre article, je vous écrirai.

Tout à vous A. Herzen

Mes filles sont malades, elles ont la coqueluche. Alex⟨andre⟩ vous salue, il a été avec moi...*

* Край письма оборван.— *Ред.*

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 29 февраля¹ (1854 г.) Вторник.

Дорогой ПIANCIANI,

Мне не повезло с вашей статьей. Пиггот², продержав ее целую неделю, не поместил ее в последнем номере «Leader'a», — я возьму у него и переправлю в Брюссель.

Я не посылал вам «Engl⟨ish⟩Rep⟨ublic⟩»³, потому что у меня не осталось экземпляров; пошлю вам оба вместе или передам их Саффи.

Гарибальди здесь, я познакомился с ним на дипломатическом обеде, данном американским консулом в честь Мац⟨иния⟩, Кош⟨ута⟩, Гарибальди... и проч. Вчера я завтракал у него на борту корабля⁴.

Лишь только я что-нибудь узнаю относительно вашей статьи, напишу вам.

Весь ваш А. Герцен

Дочери мои больны, у них коклюш. Алекс⟨андр⟩ вам кланяется, он был со мной...*

¹ 29 февраля—очевидно описка; 1854 год не високосный. Однако по содержанию письмо может быть отнесено только к этому году.

² Пиггот — (см. о нем) в письме Герцена к Саффи № 5.

³ Очевидно, номера «The English Republic» со статьей «Старый мир и Россия».

⁴ О встрече Герцена с Гарибальди на обеде у американского консула Сондерса (Saunders) см. «Былое и думы», ч. VI, а также в письме к М. К. Рейхель от 23 февраля 1854 г. (VIII, 58). (изд. АН, т. XI, стр. 160—165).

6

13 avril (1854). Jeudi. Londres.
25, Euston Square

Cher Pianciani,

Votre lettre m'a été bien chère, elle m'a prouvé encore une fois de plus que vous me portez une amitié active et pleine d'attention¹. J'ai réfléchi deux jours, j'étais au point de me décider pour Jersey — mais tout bien pesé je ne m'y établirai pas. (Pour venir passer quelques jours, qu'à cela ne tienne; j'ai un grand besoin de locomotion). Je vous exposerai les causes.

Je fuis Londres en partie de *nos amis les ennemis*² et à Jersey vous les retrouverez, mais non dispersés dans cette *orbi non urbi* de Londres, mais resserés dans une petite ville de province.

Et dites-moi, cher Pianciani, que voulez-vous faire avec eux? Comment peut-on sérieusement travailler dans l'*Homme* qui ne comprend absolument rien et qui se permet des notes dans le genre de celle «sur Linton et ses réserves»³ dans le № passé? Ces gens sont plus stationnaires que Nicolas et le pape.

En vérité, je ne connais rien de plus mesquin en fait de rédaction que l'*Homme* et la *Nation* belge. L'une de ces feuilles n'a que des exercices de rhétorique sur des sujets donnés... tyrannie... joug... réveil du peuple... exemple de Rome... traduction en prose des *Châtiments* de Hugo et des compliments à l'avenir — et à tous les peuples.

L'autre réimprime les mêmes choses et les mêmes nouvelles qu'elle imprimait en 52, 53, 54.— On ne sauve pas de l'incapacité. Vous parlez d'un journal à nous. Chose parfaite, mais la première condition c'est d'éloigner ces braves patriotes, ces anachronismes vivants, et non les chercher dans les autres.

Parmi les Français je ne connais que notre ami Domengé capable de travailler à un journal sérieux. Saffi et vous parmi les Italiens. Et avec tout cela un journal n'est faisable qu'à Londres. Mais attendons encore un peu. Moi je ne suis pas désœuvré, je travaille assez. J'imprime maintenant un fort volume en russe sous le titre «La Prison et l'exil»⁴.

* Край письма оборван.— Ред.

Je quitterai Londres pour deux, trois mois, cela sera une villégiature — l'endroit n'est pas encore définitivement arrêté, peut-être irai-je à Hastings, dans tous les cas près de la mer.

Vous savez que le Florestan de Monaco a voulu faire un coup d'Etat et qu'il est maintenant dans les prisons de Villa Franca. Jamais malheur ne m'a fait tant rire, o caro Grimaldi... Voilà un bouffon⁵.

Adieu, encore une fois je vous remercie pour tous les renseignements et je viendrai un beau jour faire une descente à Jersey.

Tout à vous А. Герцен

Перевод:

13 апреля (1854 г.). Четверг. Лондон.

25, Euston Square

Дорогой ПIANЧИАНИ,

Ваше письмо мне очень дорого, оно еще раз доказало, что ваша дружба ко мне *действительна* и полна участия¹. Я раздумывал два дня и чуть было не склонился в пользу Джерси, но взвесив все хорошенько, решил, что там не поселюсь. (Провести несколько дней, это другое дело, — мне очень хочется проветриться.) Я объясню вам причины.

Из Лондона я бегу отчасти от наших *друзей-врагов*², а в Джерси вы их опять встретите, причем уже не рассеянными по лондонскому *orgi non urbi**, а скученными в маленьком провинциальном городке.

И скажите сами, дорогой ПIANЧИАНИ, что с ними делать? Как можно серьезно работать в «L'Homme», который решительно ничего не понимает и позволяет себе помещать заметки вроде «оговорок Линтона»³ в последнем номере? Это люди, еще более отсталые, чем Николай и папа.

Право же, я не знаю ничего более жалкого в смысле редактирования, чем «L'Homme» и бельгийская «La Nation». Одна из этих газет содержит лишь риторические упражнения на заданные темы: ...тирания... ярмо... пробуждение народа... пример Рима... прозаический перевод «Возмездий» Гюго и распаркивание перед будущим и перед всеми народами.

Другая перепечатывает те же факты и те же новости, которые печатала в 52, 53, 54 годах. — От бездарности не излечить. Вы говорите о создании своей газеты. Все это прекрасно, но первое условие — отстранить всех этих честных патриотов, эти ходячие анахронизмы, и не искать их среди других.

Из французов я знаю только одного, кто способен работать в серьезной газете, — нашего друга Доманже. Среди итальянцев — Саффи и вас. При всем том газету можно издавать только в Лондоне. Но подождем немного. Что до меня, я не сижу без дела, я много работаю. Сейчас я издаю на русском языке толстый том под названием «Тюрьма и ссылка»⁴.

Я покину Лондон месяца на два — на три, это будет мой летний отдых; место еще не выбрано окончательно, может быть, поеду в Гастингс, во всяком случае, к морю.

Знаете ли вы, что Флорестан Монакский пытался произвести государственный переворот и теперь сидит в тюрьме в Вилла-Франке? Никогда еще ничье несчастье не заставляло меня так хохотать. О, саго Гримальди... Вот шут гороховый!⁵

Прощайте, еще раз благодарю вас за все ваши сведения и непременно как-нибудь сделаю высадку в Джерси.

Весь ваш А. Герцен

¹ Письма ПIANЧИАНИ к Герцену не известны.

² *друзей-врагов*. — См. в публикации писем Герцена к Гервегам, а также во вступительной статье к настоящей публикации (выше стр. 216 и 362).

³ Печатаемая в «L'Homme» статья Герцена «Старый мир и Россия» (письма к редактору «The English Republic» В. Линтону), газета предпослала второму письму следующую редакционную заметку: «Гражданин Герцен прислал нам письма, адресованные

* миру, а не городу (лат.).

им В.-Дж. Линтону — талантливому и благородному художнику, который опубликовал их в выходящем в Нью-Кестле ежемесячном журнале „The English Republic“. Исполняя желание гражданина Герцена, мы возлагаем всецело на него самую ответственность за высказанные им взгляды и утверждения, с которыми он не хочет, по его словам, связывать нас моральной круговой порукой. „The English Republic“, взявший себе девизом „Бог и народ“, вероятно, сделал соответствующие оговорки...» («L'Homme», № 19 от 5 апреля 1854 г.). Упоминаемый мацшинистский девиз «Бог и народ» воспроизводится на ввинтке титульного листа журнала (см. рис. на следующей странице). Редакционная заметка свидетельствовала о стремлении газеты отмежеваться от Герцена, что вызвало, естественно, его раздражение. Правда, в ближайшем же номере «L'Homme», перед публикацией третьего письма к Линтону, редакция поместила вступление уже совсем иного содержания и отмечала «ценность и оригинальность писем гражданина Герцена», их «исключительное значение в современных условиях» и т. д. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 225).

Что касается «желания» Герцена не связывать «L'Homme» ответственностью за содержание статьи «Старый мир и Россия», на которое ссылается газета в цитированной заметке, то оно, надо думать, было высказано в сопроводительном письме, при посылке статьи. Письмо это до нас не дошло.

⁴ См. выше в письме Герцена к Саффи № 5.

⁵ Реакционная политика *Флорестана I* (1785—1856), в 1841—1856 гг. князя Монако, восстановила против него население и привела к распадению княжества. После революции 1848 г. от Монако отделились города Ментона и Рокебрюн, присоединившиеся к Сардинскому королевству (Пьемонту). 6 апреля 1854 г. сын Флорестана, наследный принц Карл, герцог Валентинуа, совершил попытку вернуть Ментону во владение княжества. К принцу примкнуло не больше 20 человек, и вся затея потерпела полный крах. Об этом наместившем Герцена эпизоде и идет речь в письме. Некоторые газеты ошибочно называли героем события не герцога Валентинуа, а самого Флорестана I. Ошибку повторил и Герцен. — *Гримальди* — фамилия княжеского дома Монако.

7

<Londres.> 26 avril ou 27 <1854>. Jeudi

Cher Piaciani,

J'étais en train de vous écrire lorsque j'ai reçu votre bonne lettre (dans laquelle il y a trois — quatre mots qu'il m'était impossible de déchiffrer). La nouvelle que je voulais vous communiquer c'est que le *Leader* et le *Morning Advertiser* disent d'une manière un peu détournée, mais très diaphane que mes lettres à Linton sont écrites en connivence avec la police russe. Regrettent que l'*Homme* les a reproduites ... etc. (24 avril)¹.

Le Comité Polonais a vigoureusement répondu², cela ne serait pas mal si l'*Homme* de son côté faisait quelque chose. Je prépare une petite lettre et je n'attends que Louis Blanc qui est allé chez le *Leader* demander une explication³. N'est-ce pas <que> c'est joli?.. Je ne comprends pas d'où cela vient, très possible que de la police russe, aussi de la bêtise humaine.

Et quelle habitude canaille de faire des accusations infâmes au lieu de raisonnements! — Qui donc peut être assez bête pour ne pas voir l'extrême unité de tout ce que j'écris et l'opposition complète au pouvoir tsarien, à la centralisation outrée<?> de Pétersbourg? Mais j'ai une foi basée sur la conviction la plus intime que le temps d'une grande fédération républicaine n'est pas trop loin pour les Slaves du Sud. Et de quel droit condamnerai-je l'insurrection des Grecs parce qu'elle complique les affaires anglo-bonapartes?⁴

Au reste nous avons assez parlé de toutes ces choses. L'impénétrabilité de la bêtise humaine, la férocité de l'ignorance n'a pas de limites. Allez leur faire comprendre qu'une *action* révolutionnaire ne pourrait pas réussir à trouver de la sympathie, si elle était dénouée de tout amour pour le pays. Avec la haine — on se venge, on ne fait pas mouvoir des masses.

L'Anglais devient de plus en plus intolérant et la voilà la liberté de la presse. — *Ecco la quai!*

Je vois assez souvent Domengé et toujours avec le plus grand, le plus sincère plaisir. Je vous dois immensément pour cette connaissance. J'ai reçu il y a quelques jours un petit billet de Saffi⁵.

Je viendrai chez vous—et probablement avec Domengé, mais quand—attendez un peu.

Les enfants vont presque bien. La coqueluche a cessé. Je pense toujours à Hastings.

Je vous serre la main bien fraternellement

A. Herzen

Holinsky⁶ est de retour de l'Amérique avec un tas de petits cancans transatlantiques — il y retourne dans deux mois. C'est engageant — le voyage devient de plus en plus facile.

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 26 или 27 апреля ⟨1854 г.⟩. Четверг

Дорогой Пианчиани,

Я уже собирался вам писать, когда пришло ваше милое письмо (в котором три-четыре слова я никак не мог разобрать). Я хотел сообщить вам новость, что «Leader» и «Morn'ing Advertiser» иносказательно, но весьма прозрачно намекают, будто мои письма к Линтону написаны по наущению русской полиции. Выражают сожаление, что «L'Homme» их напечатал... и т. д. (номер от 24 апреля)¹.

Польский комитет послал энергичное возражение²; было бы неплохо, если б и «L'Homme», со своей стороны, как-нибудь отозвался³. Я готовлю небольшое письмо и ожидаю только Луи Блана, который отправился в «Leader» требовать объяснений. Хорошо, неправда ли?.. Не понимаю, откуда это идет, весьма возможно, что от русской полиции, а также от человеческой глупости.

Что за подлая привычка бросать гнусные обвинения вместо того, чтобы возражать! Как можно быть настолько глупым, чтобы не видеть исключительное внутреннее единство во всем, что я пишу, решительную оппозицию царской власти и чрезмерной(?) петербургской централизации. Но я твердо верю, и моя вера основана на глубочайшем внутреннем убеждении, что не так далеко время создания великой республиканской феде-

ЖУРНАЛ
«THE ENGLISH REPUBLIC»,
ИЗДАВАВШИЙСЯ В. ЛИНТОНОМ.
ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНА
СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА
«СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ»,

АПРЕЛЬ 1854 г.

«Софийская коллекция»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

рации южных славян. По какому же праву стал бы я осуждать греческое восстание только потому, что оно осложняет англо-бонапартистские дела?...⁴

Впрочем, мы достаточно говорили обо всех этих вещах. Человеческая глупость непостижима, дикое невежество не имеет границ. Попробуйте объяснить им, что революционное *действие* не могло бы привлечь симпатии, если бы оно не было связано с любовью к отечеству. С одной ненавистью можно мстить, но нельзя поднять массы.

Англичанин становится все более нетерпим — и вот вам свобода печати. — Ecco la qua! *

Я довольно часто вижу с Доманже и всегда с самым большим и самым искренним удовольствием. Я бесконечно вам обязан за это знакомство. Несколько дней назад я получил письмо от Саффи⁵.

Неприменно к вам приеду и, вероятно, вместе с Доманже, но когда? подождите немного.

Дети почти поправились. Коклюш прошел. Я все подумываю о поездке в Гастингс.

Братски жму вашу руку А. Герцен

Голынский⁶ возвратился из Америки с целой кучей заатлантических сплетен; через два месяца он едет обратно. Это заманчиво: переезд становится все легче и легче.

¹ Речь идет о выступлениях против статьи «Старый мир и Россия» английских газет «The Leader» (22 апреля) и «The Morning Advertiser» (24 апреля).

² Протест польского центрального демократического комитета, подписанный С. Ворделем, Л. Зенковичем и А. Жабицким, был напечатан в «The Morning Advertiser» от 27 апреля 1854 г. (полный текст в русском переводе см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 802—804).

³ Это желание Герцена было исполнено. В редакционной заметке, предпосланной статье «Русская революция» анонимного автора, помещенной в «L'Homme» (№ 23 от 3 мая), газета называет Герцена «лучшим борцом» за русскую революцию и риторически спрашивает, что же следует думать о «некоторых английских газетах, выступающих против гражданина Герцена» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 225).

⁴ Герцен поясняет здесь положения, выдвинутые им в третьем письме к Линтону и вызвавшие наибольшие нападки — обвинения в панславизме, в защите интересов царя и т. д. (см. VIII, 561—562). Греческое восстание, о котором пишет Герцен, вспыхнуло в январе 1854 г. и было направлено против турецкого ига, за воссоединение с Грецией территории Эпира, занятой турками. Восстание приобрело вскоре широкий размах и спутало карты Англии и Франции, вступивших в войну с Россией. В своем последнем письме, — указывал Маркс, — я отметил, что одним из наиболее опасных для Порты последствий греческого восстания будет то, что оно даст западным державам предлог выступить в качестве посредниц между султаном и его подданными, вместо того, чтобы вести борьбу с Россией и таким образом вгонять греческих христиан в союз с царем» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, 1933, стр. 658. Корреспонденция от 3 марта 1854 г.). В мае 1854 г. Франция и Англия оккупировали часть греческой территории, и восстание было прекращено.

⁵ Это письмо Саффи неизвестно.

⁶ Об Александре Викентьевиче Голынском см. на стр. 33 настоящего тома.

6

<Londres.> 4 mai <1854>. Jeudi.
25, Euston Sq<uare>

Cher Pianciani,

Merci pour votre bien amicale lettre. L'article du *Morn'inig* <Advertiser>, je pense, ne vient pas de la source à laquelle vous faites allusion, c'est à dire de Gol<ovine>¹. Il me l'a formellement assuré étant chez moi pour une dernière explication. De qui parlez-vous encore — je ne l'ai pas deviné. Vous voyez qu'après la réponse calme et simple de Worcell, ils se sont tus... Si cela était une personnalité, ils auraient continué. L'Anglais en général est assez bête et lorsqu'il y a des échappés de Bedlam comme Urquart² qui dit que tous les Russes sont des agents du tsar, que Mazzini est suspect etc. ...on ne doit pas s'étonner d'être accusé. Avez-vous lu un article dans le

* Вот она какова! (итал.).

Weekly Dispatch», disant que les ouvriers de Preston sont payés par l'or russe pour faire des *strikes*³.

C'est de la folie! L'article du *Leader*, c'est une vengeance ignoble de Piggot et C^{le}. Je dois à l'amitié de Louis Blanc d'avoir reçu leur désaveu et encore la promesse d'en dire à *propos* quelques mots⁴.

L'article de Zéno est magnifique⁵. Nous l'avons lu ici, en riant comme des fous. J'ai voulu envoyer une lettre à l'*Homme* — mais elle me paraît maintenant si pâle, après l'article de Zéno — que je la méprise. Avez-vous lu l'article? C'est d'une profondeur et d'une sainte colère qu'on ne lui pardonnera pas.

Le *Leader* ne peut pas l'insérer.

La menace de convoquer un meeting dans London Tavern pour empêcher l'emp<reur> de Russie d'aller en Hongrie c'est un exemple sublime. Et la permission pour les rédacteurs d'être ignorants — mais *gentlemen*.

Je ne sais où trouver le *Morn<ing> Adv<ertiser>* — j'enverrai chercher chez Worcell, il avait une copie⁶.

A propos, le *Times* disait il y a cinq, six jours qu'on voit beaucoup d'agents russes en Lombardie!! C'est une maladie.

Si Dieu a noyé la terre,
C'est la faute de Voltaire.
S'il a lâché beaucoup d'eau,
C'est la faute de Rousseau⁷.

Dès que j'aurai un peu plus de temps, je viendrai et avec Domengé — mais je ne suis pas assez Russe pour occuper vos provinces — je veux *veiller* avec vous et *dormir* avec moi seul. Nous prendrons une chambre dans un hôtel.

Vendredi

J'ai attendu le *Mor<ning> Adv<ertiser>* de Worcell — mais il a perdu le № Je vous l'enverrai avec la première poste.

T<out>àv<ous>.

Je ne vous envoie maintenant que la réponse du Comité démocr<atique> — je vous prierai de me la renvoyer⁸.

La lettre de Talandier est très bonne et très noble⁹.

Adieu encore une fois.

Herzen

Demain Domengé dîne chez moi avec Louis Blanc.

Перевод:

«Лондон.» 4 мая (1854 г.). Четверг.
25, Euston Square

Дорогой Пианчиани,

Спасибо за ваше столь дружеское письмо. Статья в «*Morn<ing> Adv<ertiser>*» исходит, по-моему, не из того источника, на который вы намекаете, то есть не от Го<ловина>¹. Он решительно разубедил меня в этом, явившись ко мне для последнего объяснения. О ком еще вы говорите — я не мог угадать. Как видите, после простого и спокойного ответа Вордселя они заткнули рты... Если бы тут были личные счеты, они бы не уgomонились. Англичанин вообще довольно глуп, и если появляются вырвавшиеся из Бедлама сумасшедшие, вроде Уркхарта², и утверждают, что все русские — царские агенты, что Мадзини подозрителен и т. д. нечего удивляться, когда и вам бросают обвинения. Читали ли вы статью из «*Weekly Dispatch*», где говорится, что престонских рабочих подкупают русским золотом, чтобы они устраивали *strikes*?*.³

Это какое-то безумие. Статья в «*Leader*» просто подлая месть со стороны Пиггота и К°. Только благодаря дружескому участию Луи Блана я добился от них опровержения да еще обещания написать об этом *при случае* несколько слов⁴.

* забастовки (англ.).

Статья Зено превосходна ⁵. Читая ее, мы хохотали как сумасшедшие. Я хотел послать в «L'Homme» письмо, но теперь, после статьи Зено, оно кажется мне таким тусклым, что я пренебрег этим. Читали ли вы эту статью? В ней такая глубина и такой священный гнев, которого ему не простят.

«Leader» не может ее поместить.

Угроза созвать митинг в Лондонской Tavern'e, чтобы помешать русскому имп<е-ратору> напасть на Венгрию, — превосходный пример. Или разрешение, данное журналистам, быть невеждами — но джентльменами.

Не знаю, где отыскать «Morn<ing> Adv<ertiser>» — пошлю к Ворцелю, у него был экземпляр ⁶.

Кстати, «Таймс» утверждал дней пять-шесть назад, что в Ломбардии видели много русских агентов!!.. Это болезнь.

Если бог затопил землю,

Это вина Вольтера.

Если он залил все водой,

Это вина Руссо ⁷.

Как только у меня будет побольше времени, я приеду к вам вместе с Доманже, но я не настолько русский, чтобы захватывать ваши владения; я хочу *бодрствовать* с вами, но *спать* хочу один. Мы снимем комнату в гостинице.

Пятница

Я ждал от Ворцеля «Mor<ning> Adv<ertiser>», но он затерял номер. Пришлю его вам с первой почтой. В<есь> в<аш>.

Сейчас посылаю вам только ответ Демокр<атического> комитета — и попрошу возвратить его мне ⁸.

Письмо Таландые очень хорошо и благородно ⁹.

Еще раз прощайте

Герцен

Завтра Доманже обедает у меня с Луи Бланом.

¹ В «Былом и думах» приводится письмо Головина от 26 апреля 1854 г., подтверждающее непричастность его к выступлению «The Morning Advertiser» (см. изд. АН, т. XI, стр. 415).

² Давид Уркхарт (Уркарт, Urquhart, 1805—1877) — английский политический деятель и публицист; отличался маниакальной подозрительностью, повсюду видел «козны России» и подкуп (ср. «Былое и думы» — изд. АН, т. XI, 158—159).

³ Речь идет об известной забастовке престонских текстильщиков, продолжавшейся свыше полугода и закончившейся в начале мая поражением рабочих.

⁴ Никакого опровержения в «Leader'e» помещено не было, и к этому вопросу газета больше не возвращалась. Герцен имел, вероятно, в виду извинение, которое принесла редакция (ср. в письме к Саффи — № 5).

⁵ Статья в защиту Герцена против клеветнических выступлений «Leader'a» и «The Morning Advertiser'a». Принадлежность ее Зено Свентославскому устанавливается здесь впервые. «Насчет газетного шума — перестрелка идет<...>» — писал Герцен М. К. Рейхель 4 мая 1854 г. — Весь Польский Комитет отвечал соборно, франц<узы>, итал<ьянцы> порезче, все за меня <...> Но более всего утешил один поляк из Жерсея, — тот написал фульминантную <громовую> статью». Далее приводятся выдержки из статьи, среди которых встречаются совпадающие с цитированными Герценом в настоящем письме к Пианчиани (VIII, 79—80).

⁶ Вероятно, экземпляр газеты с выступлением против Герцена.

⁷ См. в письме к Саффи № 11 и примеч. 5 к этому письму.

⁸ См. примеч. 2 к письму № 7.

⁹ Письмо Таландые, понравившееся Герцену, было напечатано в «L'Homme» (№ 23 от 3 мая 1854 г.). Оно адресовано редактору газеты Рибейролю и посвящено полемике с Эрнестом Кёрдеруа, который напечатал в той же газете (№ 22 от 26 апреля 1854 г.) изложение своей теории европейской революции, долженствующей произойти в результате русского вторжения. Строя свои выводы на исторических аналогиях, Кёрдеруа утверждал, что подобно тому как нашествие варваров на Рим способствовало торжеству христианства, так нашествие казаков приведет к торжеству социализма и созданию всемирной республики. Опровергая эти положения Кёрдеруа, Таландые противопоставлял им высказывания Герцена. «Если бы еще, — пишет он, — вы, подобно Герцену; не желая русского нашествия, считали бы его фактом возможным и пре-

14 June 1854
St. Petersburg

Cher Monsieur,

Vous arrivez m'en direz
très bien, en disant j'ai reçu
ce matin une lettre de vous.
qui me dit que vous vous engagez
à ne pas venir en 99 jours
mes nouvelles - j'en suis sûr
et si ne date de septembre
fini. - Après la maladie de
mes filles tout se calme
fini et si ne regrette pas
aller à Krasnoyarsk, Longue
toute malade, les médecins
to patique dans laquelle sont
11 heures après de telle façon
vous, mais les amis de vous
d'élire. Permettez-moi donc de
vous remercier très amicalement.

Et bien qu'on soit plus de la
général.

que l'on ne s'en fait - en fait
à la carte du jour. M. et M.
- la carte de la carte - à la carte
à la carte qui après le départ de
M. Hong a été de la carte
qui a été de la carte, une petite
vante. Mais la carte de la carte
une lettre de la carte

Pour la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte

une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte
une lettre de la carte de la carte

дупреждали буржуазию: „Вы хотите царя из ненависти к социализму — берегитесь как бы не получить и царя и социализм“ — вас можно было бы понять, но самому призывать русских — этого уже никак нельзя понять! Ведь если даже признать (и я готов это признать), что у русских в их общественном устройстве, в их духовных устремлениях, в их национальном характере много общего с галлами социалистических тенденций, если даже признать (хотя это завело бы нас слишком далеко), что русский народ уже созрел для социального обновления, то и в этом случае разве их нашествие привело бы нас к социальному обновлению?». Не следует, пишет в заключение Таландье, обещать народу, что революцию ему принесут казаки, ему нужно сказать, что он должен совершить ее сам.

О Кёрдеруа, считавшем себя единомышленником Герцена, см. «Былое и думы» (изд. АН, т. XI, стр. 60—65).

9

⟨Londres.⟩ 25 mai ⟨1854⟩.
Euston Sq⟨uare⟩

Cher Pianciani,

Malheureusement j'ai une trop bonne cause de mon silence. Tata a passé quatre jours entre la vie et la mort. Une rougeole après deux mois et demie de coqueluche — à peine commencée a disparu; c'est toujours un danger immense. Il est passé grâce, entre autres aux soins de Deville¹ — qui a montré un grand talent médical. La malade est encore au lit, — ces 10 jours m'ont rappelé les plus mauvais temps de ma vie. Je suis fatigué et stupide.

Votre lettre est très belle, je l'enverrai à Linton et à New-York².

Remerciez Zéno de l'article (hier je l'ai envoyé à Linton qui veut le publier mais en omettant q⟨uel⟩q⟨ues⟩ phrases pour occuper un peu moins de place)³.

Vous m'avez donné le conseil d'écrire directement à Ribeyrolles — mais je n'ai rien pour le moment à lui communiquer. Et, soit dit entre nous, R⟨ibeyrolles⟩ a été assez longtemps à Londres pour se rappeler d'un pauvre collaborateur d'Euston Sq⟨uare⟩.

La semaine dernière j'ai donné à Faure la petite note sur les Pâques en Russie⁴.

Et que dites-vous de Sarsane, de Spezia.... Cui bono?⁵

Je me propose d'aller à Pétersbourg dès que la ville sera prise par Napier⁶ et y tenir un meeting sur la place d'Isaak.

Adieu, cher Pianciani.

Tout à vous A. Herzen

Перевод:

⟨Лондон.⟩ 25 мая ⟨1854 г.⟩
Euston Sq⟨uare⟩

Дорогой Пианчиани,

К несчастью, мое молчание объясняется очень уважительной причиной. Tata четыре дня находилась между жизнью и смертью. После двух с половиной месяцев коклюша началась корь и, едва начавшись, прошла; это всегда очень опасно. Опасность миновала благодаря, отчасти, заботам Девиля¹, проявившего большой медицинский талант. Больная еще в постели, — эти 10 дней напомнили мне самое тяжелое время моей жизни. Я измучился и отупел.

Ваше письмо прекрасно, я пошлю его Линтону и в Нью-Йорк².

Поблагодарите Зено за статью (вчера я отправил ее Линтону, который хочет напечатать ее, опустив неск⟨олько⟩ фраз, чтоб она заняла поменьше места)³.

Вы советовали мне написать непосредственно Рибейролю, но в данное время мне нечего ему сообщить. И, кроме того, между нами говоря, Р⟨ибейроль⟩ довольно долго находился в Лондоне и мог бы вспомнить о своем бедном сотруднике с Euston Sq⟨uare⟩.

На прошлой неделе я передал Фору небольшую заметку о пасхе в России⁴.

А что вы скажете о Сарцане, о Специи... Cui bono?^{* 5}

* Кому на пользу? (лат.).

Я уже подумываю съездить в Петербург, как только город будет взят Непиром⁶, и созвать митинг на Исаакиевской площади.

Прощайте, дорогой ПIANCIANI.

Весь ваш А. Герцен

¹ Девиль — врач.

² Речь идет о письме ПIANCIANI к Рибейролю, напечатанном в «L'Homme» (№ 26 от 24 мая 1854 г.). Поводом к выступлению ПIANCIANI послужили полученные из Рима известия о соглашении, заключенном между папой Пием IX и Наполеоном III, об отправке итальянских политических заключенных из Папской области во французские каторжные тюрьмы в Кайенну. Письмо представляет собою яркий документ антибонапартистской и антиклерикальной пропаганды. Осуществил ли Герцен свое намерение — ознакомить с письмом читателей Англии и Америки — нам неизвестно.

³ В «The English Republic», издававшейся Линтоном, была помещена статья в защиту Герцена. Возможно, что это и есть упоминаемая статья Свентославского. Из-за отсутствия в советских книгохранилищах комплектов журнала, уточнить это не удалось.

La traduction allemande de l'ouvrage de A. Hertzén:
"Sur le développement des Idées révolutionnaires en
Russie," qui a paru chez Hoffmann & comp., vient d'être
saisies dans toutes les librairies prussiennes.

СООБЩЕНИЕ О КОНФИСКАЦИИ В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ ПРУССИИ НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
«О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Текст сообщения составлен Герценом

«L'Homme» от 28 июня 1854 г.

⁴ Статья «Русская пасха» напечатана (без подписи) в «L'Homme», № 25 от 17 мая 1854 г. Принадлежность статьи Герцену установлена в нашей публикации в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 56—58. — Филипп Фор — лондонский корреспондент газеты «L'Homme». См. ниже письмо к нему Герцена.

⁵ Сарцана и Специя — города северо-западной Италии, входившие тогда в состав Сардинского королевства (Пьемонта); расположены на небольшом расстоянии друг от друга. Специя — крупный порт. 13 мая 1854 г. группа маццинистов пыталась высадиться и выгрузить оружие близ этих городов с целью начать оттуда восстание в Центральной Италии. Попытка не имела успеха, оружие попало в руки пьемонтских властей, а среди повстанцев и населения были произведены многочисленные аресты. Орсини, который руководил этой экспедицией, удалось скрыться (см. Феличе Орсини. Воспоминания. М.—Л., 1934, стр. 180—190; Giuseppe Mazzini. Scritti editi ed inediti, vol. II. Imola, 1929, p. 93—100). События получили широкую огласку в современной периодической печати.

⁶ Ср. письмо к Саффи № 5. — Весной 1854 г. эскадра Непира появилась в Финском заливе и начала военные операции против России, окончившиеся однако полной неудачей планов союзников.

10

<Londres.> 19 juin <1854>. Lundi,
25, Euston Sq<uare>

Cher Pianciani,

Votre amitié m'est sincèrement très chère, et lorsque j'ai reçu ce matin une lettre de Saffi qui m'a dit que vous vous inquiétiez de ne pas avoir eu q<uel>q<ue> temps de mes nouvelles — j'en fus honteux et je me hâte de réparer ma faute¹. Après la maladie de mes filles tout semblait être fini et je me préparais de m'en aller à Hastings, lorsqu' Alex<andre> tomba malade. Les tracasseries, la fatigue dans laquelle reste l'homme après de telles préoccupations — voilà les causes de mon silence. Permettez-moi donc de vous remercier bien amicalement.

Et bien qu'en dites-vous de la guerre? Nicolas n'a qu'à se pendre². Pour nous c'est magnifique, je ne sais pas si c'est aussi bon pour la France et

l'Italie. Savez-vous que je remarque ici une chose bien triste — je viens d'en écrire à Saffi³ — la moitié de l'émigration est envahie par un *crypto*-bonapartisme, c'est-à-dire par un bonapartisme honteux, assez honorable pour ne pas nommer personnellement Bonaparte, mais persuadé que c'est lui avec les bourreaux de la Hongrie, de l'Italie⁴ — qui sauvera la civilisation. Quelle confusion d'idées!

Avez-vous vu — à propos — que cette feuille stupide, bête à manger le foin, la *Nation* — répète dans une correspondance de Paris dans le № du 18 juin que ce sont des agents russes qui soulèvent les Italiens — c'est le journal de Ledru-Rollin et de Mazzini qui le dit, — écrivez-leur que c'est indécent. Passe pour le *Times* pour lequel Kossuth, Boichot⁵ — et je ne sais qui — tous sont des agents russes — mais pour la *Nation*... Au reste, ce crétinisme de ne pas comprendre notre point de vue, me provoque à écrire là-dessus une petite lettre que j'adresserai au citoyen Ribeyrolles, s'il désire l'insérer⁶.

A propos, faites imprimer dans le prochain № de l'*Homme* cette nouvelle. — «La traduction allemande de l'ouvrage A. Herzen *Sur le développement des idées révolutionnaires en Russie*, qui a paru chez Hoffmann et Campe, vient d'être saisie dans toutes les librairies prussiennes»⁷.

Je vous raconterai une autre fois à quelle lutte cette saisie m'a engagé avec la rédaction boueuse de la *Gazette de Cologne*. Suffit de vous dire qu'elle insinue que l'ouvrage saisi est favorable à la cause de tsar. Ah? Eh bien — la *Gazette de Cologne* — ce n'est pas le *Leader* qui après le départ de M. Haug n'a plus de lecteurs — je leur ai appliqué une petite savonnade⁸. Avec le temps je l'enverrai aux hommes de l'*Homme*.

Pierre Leroux doit être au septième ciel — le prince Consort devient merdosophe complet, il ne rêve maintenant qu'aux water-closets, conduits d'immondices, etc.⁹ Je commence aussi à aimer l'humanité dans sa dernière conséquence.

Adieu, cher Pianciani. Domengé est toujours un peu indisposé. Je vais avec Alexandre chercher un gîte à Hastings. Je viendrai nécessairement vous voir chez vous.

Je vous serre la main.

Alexandre vous salue.

A. H e r z e n

П е р е в о д :

⟨Лондон.⟩ 19 июня ⟨1854 г.⟩ Понедельник.
25, Euston Square

Дорогой ПIANЧИАНИ,

Ваша дружба мне действительно очень дорога и, узнав сегодня утром из письма Саффи, что вы беспокоитесь, с некоторых пор не получая от меня известий, — я устыдился и спешу искупить свою вину¹. — После болезни дочерей все беды, казалось, окончились, и я уже собирался отправиться в Гастингс, как вдруг захворал Александр. Заботы, усталость, охватывающая человека после стольких беспокойств, — вот причины моего молчания. Позвольте же мне по-дружески поблагодарить вас.

Ну, что вы скажете о войне? Николаю остается только повеситься². Для нас это превосходно, не знаю, хорошо ли это также для Франции и Италии. Знаете ли, я замечаю здесь весьма печальное явление, — я только что написал об этом Саффи³, — половина эмиграции охвачена *тайным* бонапартизмом, то есть бонапартизмом стыдливым; из приличия они не называют прямо Бонапарта, но считают, что это он, вместе с палачами Венгрии и Италии⁴, спасет цивилизацию. Какая путаница в мыслях!

Знаете ли вы, кстати, что этот дурацкий, непроходимо глухой листок «La Nation», в номере от 18 июня, в корреспонденции из Парижа, пишет, будто итальянцев возбуждают к восстанию русские агенты — и это говорит газета Ледру-Роллена и Маццини. — Напишите им, что это неприлично. Это пристало бы еще «Times», для которого

Кошут, Буашо⁵ и уж не знаю кто — все являются русскими агентами, но не годится для «La Nation»... Впрочем, это тупоумное непонимание нашей точки зрения подбивает меня написать небольшое письмо, которое я направлю гражд./анину, Рибейролю, если он пожелает его поместить⁶.

Кстати, напечатайте в ближайшем номере «L'Homme», следующую заметку: «Немецкий перевод книги А. Герцена «О развитии революционных идей в России», выпущенный у Гофмана и Кампе, конфискован во всех книжных лавках Пруссии»⁷.

Когда-нибудь в другой раз я расскажу вам, в какую борьбу из-за этого запрета мне пришлось вступить с грязной редакцией «Kölnische Zeitung». Достаточно сказать, что она распространяет клевету, будто эта запрещенная книга идет на пользу царю. Что вы на это скажете? Но ведь «Kölnische Zeitung» это не то что «Leader», у которого после отъезда г-на Гауга не осталось больше читателей; я закатил им небольшую головоломку⁸. Со временем я это пришлось людям «Человека»*.

Пьер Леру, должно быть, на седьмом небе — принц-супруг становится заправским дерьмософом, он бредит теперь только ватерклозетами, канализационными трубами и т. п.⁹. Я тоже начинаю любить человечество в этом его проявлении.

Прощайте, дорогой ПIANCIANI. Дома же все еще немного нездоров. Я уезжаю с Александром искать приюта в Гастингсе. Я непременно приеду вас навестить.

Жму вам руку.

Александр вам кланяется.

А. Герцен

¹ Ср. в письме к Саффи № 5.

² К тому времени Россия еще не испытала серьезных поражений в войне, тем не менее Герцен расценивал сложившуюся обстановку как весьма неблагоприятную для паризма. «Я уже предвижу, — писал он в тот же день Саффи, — падение этого зверя Николая — если бы взяли Крым, ему пришел бы конец» (см. в письме № 5).

³ См. указанное письмо к Саффи.

⁴ Подразумеваются правящие круги Австрии (ср. там же).

⁵ Жан-Батист Буашо (1820—?) — французский демократ. В 1849 г., находясь на военной службе в чине сержанта, был избран депутатом Законодательного собрания; видный член «горы». После 13 июня эмигрировал и жил в Англии. В начале июня 1854 г., при попытке нелегально проникнуть во Францию, Буашо был арестован, предан суду и приговорен к тюремному заключению. «Times», сообщая о его аресте, высказал подозрение, что Буашо был послан во Францию эмигрантскими комитетами с целью агитации во французской армии в интересах России. Заявление «Times» получило резкий отпор со стороны Ф. Пиа и других эмигрантов (см. «L'Homme», №№ 28, 29, 30 от 7, 14, 21 июня 1854 г.).

⁶ Осуществил ли Герцен свое намерение — неизвестно. Письмо такого содержания в «L'Homme» не появилось.

⁷ Напечатано в «L'Homme», № 31 от 28 июня 1854 г. Принадлежность заметки Герцену устанавливается впервые. Изъятию подвергалось третье издание книги «О развитии революционных идей в России», вышедшее в свет на немецком языке под смягченным для немецкой цензуры названием «Rußlands soziale Zustände» («Социальные отношения в России»), Hamburg, 1854.

⁸ Речь идет об открытом письме, которое Герцен направил 16 мая 1854 г. в «Kölnische Zeitung», протестуя против распространявшейся газетой клеветы на его книгу (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 215—217). До сих пор письмо Герцена было известно только по газетной вырезке, сохранившейся в «пражской коллекции», и адресат указывался предположительно (там же).

⁹ Принц-супруг — герцог Кобург-Саксонский, Альберт-Франц-Август-Карл-Эмануил (1819—1861), муж английской королевы Виктории. Он интересовался вопросами просвещения, культуры, улучшения бытовых условий жизни. Шутка Герцена о принце и Пьере Леру становится понятной, если вспомнить, что, согласно учению Леру об обращении материи, человек, как и все живые существа, возвращает почве через экскременты необходимое для жизни количество органической материи, которое он получает из почвы.

Cher PIANCIANI,

Si vous m'avez oublié vous avez parfaitement fait, je l'ai mérité, — pour quoi est-ce que je n'ai pas écrit — je n'en sais rien, nous parlons de vous très

* Каламбур: название газеты «L'Homme» по-французски означает «человек».

souvent avec Domengé qui donne des leçons à Alexandre, nous vous aimons — et la paresse, — non pas la paresse mais la vie campagnarde où rien ne se passe, où la grande nouvelle — c'est la pluie — m'a déshabitué de la plume.

Saffi a été chez moi pour une couple d'heures — il est triste mais toujours le même poète-rêveur de la révolution et mélancolique com(me) elle. Que pensez-vous des derniers événements, bientôt il n'y aura plus de châteaux en Espagne — (tel)lement * elle se démocratise (...)*, crains Espartero — et c'(est dom)mage* que les deux (...) * se sont échappés¹.

La guerre se fait comme la guerre doit se faire parmi les civilisés. On a constaté que Cronstadt n'est pas un préjugé, qu'effectivement il y a un Cronstadt...² C'est assez pour 54. — Au moins si on prenait la Crimée.

Et on se révolte lorsqu'on ose dire que c'est une génération caduque... l'étendard de notre époque c'est l'impuissance virile — représentée sur un fond gris, avec le motto de Béranger — «C'est Mistigri mort sur la brèche»³.

Je veux aller en Suisse, en Espagne — partout à l'exception de l'Amérique. Nous parlons préalablement d'aller vous voir, je n'ose plus ouvrir la bouche à ce sujet.

Adieu, cher Pianciani, ce n'est pas une lettre, c'est une remise (en mémoire)* d'un de vos amis.

A. Herzen

Les enfants se portent bien, l'air est excellent ici, je resterai jusqu'à l'hiver.

Перевод:

9 августа (1854 г.). Ричмонд, 3.
S. Helena cottage

Дорогой Пианчиани,

Если вы забыли меня, вы совершенно правы — я это заслужил. Почему я вам не писал — я и сам не знаю; мы очень часто беседуем о вас с Доманже, который дает уроки Александру, мы любим вас, но лень, и даже не столько лень, сколько деревенская жизнь без всяких происшествий, где самое большое событие — это дождь, сделала то, что я разучился писать.

Саффи провел у меня часа два: он печален, но все тот же поэт-мечтатель, поэт революции, меланхолический, как она сама. Что вы думаете о последних событиях? Скоро в Испании не останется замков, настолько она демократизируется (...) * боюсь Эспартеро и (...) * жаль, что два (...) * успели скрыться¹.

Войну ведут, как и полагается вести войну цивилизованным народам. Убедились, наконец, что Кронштадт — не предрассудок, что Кронштадт и в самом деле существует...² Для 54 года этого достаточно. — Если бы, по крайней мере, взяли Крым.

И люди еще возмущаются, когда кто-нибудь осмеливается назвать наше поколение дряхлым... знамя нашей эпохи это мужское бессилие, изображенное на сером фоне с девизом из Беранже «Мистигри погиб героем»³.

Я хочу поехать в Швейцарию, в Испанию — куда угодно, только не в Америку. Мы все собираемся как-нибудь вас навестить, но я уже больше не смею и заикнуться вам об этом.

Прощайте, дорогой Пианчиани, это не письмо, это просто попытка восстановить (в вашей па>мяти)* одного из ваших друзей.

A. Герцен

Дети здоровы, воздух чудесный, я останусь здесь до зимы.

¹ Начавшееся в Испании в июне 1854 г. движение против господствовавшей в стране крайней реакции в середине июля вылилось в революцию. Королева Изабелла, вынужденная идти на уступки, призвала Эспартеро (о нем см. ниже, примеч. 7 к письму

* Край письма оборван. — *Ред.*

ЛОНДОН. ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КРЫМУ

«The Illustrated London News» от 2 декабря 1854 г.

№ 15), который прибыл в Мадрид 28 июля. Эти события, очевидно, и имеет в виду Герцен.

² Отклик на выступление 24—25 июля 1854 г. лорда адмиралтейства Беркли в Палате общин с заявлением, что Непир считает взятие Кронштадта делом невозможным (ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, 1933, стр. 139; Е. В. Тарле. Крымская война, т. 2. Изд. 2. М., 1950, стр. 59—60).

³ Из стихотворения Беранже «Mistigri». Мистигри — название трефового короля в некоторых карточных играх. У Беранже образ иносказательный. Приводим цитату по русскому изданию: Пьер-Жан Б е р а н ж е. Полное собрание песен, т. 2. Изд. 2. М., 1936, стр. 431—432.

12

⟨Ричмонд, 7 сентября 1854 г.⟩¹

Eh bien, au revoir — cher Pianciani, je suis sûr que nous nous reverrons bientôt. Embrassez pour moi Saffi chaudement.

Je m'empresse de vous envoyer les 10 liv<res> avec notre ami Domengé.

Adieu, je serre votre main

A. Herzen

7 sep<tembre>.

П е р е в о д:

⟨Ричмонд, 7 сентября 1854 г.⟩¹

Итак, до свидания, дорогой ПIANCIANI; я уверен, что мы скоро увидимся. Горячо обнимите за меня Саффи.

Спешу послать вам 10 фун<тов> с нашим другом Доманже.

Прощайте, жму вашу руку

A. Герцен

7 сеп<ября>.

¹ Годовая дата устанавливается по связи с письмом № 14 от 14 ноября, где говорится о возврате упомянутых здесь 10 фунтов.

13

3 novembre <1854>. Vendredi. Twickenham.
Bridgefield villas

Très cher Pianciani,

Je viens de recevoir votre lettre et je vous écris immédiatement, je suis très content de vous savoir dans notre voisinage. Le dernier mouvement en Italie n'a produit que *deux lettres*; mais ces deux lettres valent bien toute la correspondance entre Nesselrode et l'Autriche en y ajoutant même les lettres de m-me Praslin à son mari (pour lesquelles il l'a tuée — et a très bien fait — on ne peut pas laisser vivre une femme qui écrit à son réciproque des lettres de 8 pages). Je parle donc des deux lettres de Mazzini à Fazy et à la Confédération¹. Mazzini devrait cesser d'écrire, car il n'a jamais écrit une chose meilleure et n'écrit jamais — vu qu'il n'y a pas deux Suisses au monde — ni deux Fazy... (il a un frère, c'est vrai, mais à celui-là personne ne s'adresse ni en parole, ni par lettre).

Pourquoi vous ne me parlez pas de Saffi, vous savez que j'en suis amoureux, — tandis que vous me parlez de *Vauxhall* et d'autres choses peu chastes. Je vis en ascète et je suis très content que je ne sois pas à Londres — *primo*, parce que je serais mort de choléra², *secundo* que j'ai là des amis qui m'auraient volé les bottes du cadavre, comme si cela était à Alma, oubliant la contagion³.

Maintenant passons de l'Alma à l'Almanach⁴. Je vous remercie pour la proposition et voilà ce que j'ai à dire. Je ne veux pas ouvrir la bouche sur les événements actuels; la guerre grise, les hommes ont un voile de sang devant les yeux et ne veulent rien entendre. Non seulement en Allemagne, on m'a attaqué en Amérique (quoique deux feuilles aient pris bravement ma cause)⁵. Or donc je refuse d'écrire un article sur la Russie, la guerre, et même je vous prierai de dire au citoyen Ribeyrolles que c'est la véritable cause pour laquelle je ne lui ai pas envoyé les lettres sur la France⁶. Mais voulant aussi contribuer en mesure de mes forces au livre, je propose un article général, révolutionnaire, philosophique, immoral et antichrétien sous le titre: *Le dualisme c'est la monarchie*. — Rien concernant la guerre. Répondez-moi vite et je me mettrai à l'œuvre. (L'article sera bon, je vous en réponds).

Si cela ne va pas — voulez-vous un chapitre (traduit) du 3 volume de mes mémoires? *La Revue des Deux Mondes* a presque réimprimé le second volume⁷. Le 3 vol(ume) n'a pas paru encore en russe. Je pourrais traduire un chapitre sur Pétersbourg et la police secrète.

Vous n'avez qu'à ordonner.

Mes salutations fraternelles à Zéno. A propos, je reçois très irrégulièrement *L'Homme* — il serait mieux de me l'adresser à Twickenham Br(idgefield)villas.

Перевод:

3 ноября <1854 г.>. Пятница. Твиккенгем.
Bridgefield villas

Дражайший ПIANCIANI,

Я только что получил ваше письмо и тотчас же отвечаю. Я с радостью узнал, что вы находитесь в нашем соседстве. О последних событиях в Италии появилось только *два письма*; но эти два письма стоят всей переписки между Нессельроде и Австрией, да еще вдобавок писем г-жи Прален к мужу (из-за которых он ее и убил — и прекрасно сделал: нельзя оставлять в живых женщину, посылающую своему супругу письма на 8 страницах). Итак, я говорю о двух письмах Мадзини к Фази и к Конфедерации¹. Мадзини следовало бы перестать писать, ибо он никогда не писал и никогда не напишет ничего лучшего — ведь на свете не существует ни двух Швейцарий, ни двух Фази... (правда, у последнего есть брат, но к нему никто не обращается ни устно, ни письменно).

Отчего вы ничего не пишете о Саффи? Вы же знаете, что я влюблен в него, — и вместе с тем пишете о Воксхолле и прочих мало целомудренных вещах. Я живу аскетом и очень рад, что я не в Лондоне, — primo*, потому что умер бы от холеры²; secundo**, потому что там есть друзья, которые готовы с меня даже с мертвого стащить сапоги, позабыв о заразе, точно мы на Альме...³

Перейдем теперь от Альмы к Альманаху⁴. Благодарю вас за предложение, но должен сказать вам вот что. Я не хочу говорить о современных событиях; война опьяняет, у людей стоит кровавый туман перед глазами, они не желают ничего слышать. Не только в Германии, — даже в Америке на меня обрушились с нападка (хотя две газеты храбро встали на мою защиту)⁵. Словом, я отказываюсь писать статью о России, о войне и попросу вас даже передать гражд(анину) Рибейролю, что в этом истинная причина, почему я не прислал ему писем о Франции⁶. Однако, желая по мере сил принять участие в сборнике, я предлагаю вам статью общего характера — революционную, философскую, безнравственную и антихристианскую под заглавием «Дуализм — это монархия». — Ничего относящегося к войне. Отвечайте мне скорее, и я примусь за работу. (Статья будет хороша, ручаюсь вам).

Если это не подходит — хотите главу (в переводе) из 3-го тома моих воспоминаний? «Revue des Deux Mondes» почти полностью перепечатал второй том⁷. 3-й еще не выходил по-русски. Я мог бы перевести главу о Петербуре и тайной полиции.

Только прикажите.

Братский привет Зено. Кстати, я очень неаккуратно получаю «L'Homme», лучше адресовать его на Твикенгем Br<idgefield> villas.

¹ Герцен говорит о двух открытых письмах Маццини, датированных сентябрем 1854 г., к швейцарскому Федеральному совету и Джеймсу Фази. Поводом для опубликования писем послужили преследования, которым подвергались в Швейцарии итальянские политические эмигранты (выдача их Австрии и другие нарушения Швейцарией права убежища). Маццини бросает резкие обвинения Федеральному совету, обличает его в прислужничестве Австрии, в связях с полицейской службой и пр. Ответ Фази, появившийся в «Revue de Genève», вызвал еще более гневную отповедь со стороны Маццини. Оба письма написаны с огромной силой и страстностью и большим литературным блеском. (см. Giuseppe Mazzini. Scritti editi ed inediti, vol. LI. Imola, 1928, p. 261—269, 281—288; «L'Homme», №№ 43, 44 от 20 и 27 сентября 1854 г.).

Под перепиской между Нессельроде (в те годы русским канцлером) и Австрией подразумевается обмен посланиями, имевший место между русским и австрийским правительствами во время Крымской войны. Осенью 1854 г. вопрос о позиции, занятой Австрией, очень обострился, и Россией были сделаны попытки (окончившиеся неудачей) договориться с Австрией, чтобы привлечь ее на свою сторону и помешать ее вступлению в союз с западными державами. Герцен в шутку сравнивает письма Маццини к швейцарскому Федеральному совету с русско-австрийской дипломатической перепиской.

Упоминаемая Герценом *г-жа Прален* — герцогиня де Прален (1807—1847); была убита своим мужем. В «Письмах из Франции и Италии» Герцен рассказывает об этом убийстве и говорит (также иронически) о переписке герцогини с мужем (см. изд. АН, т. V, стр. 230).

² В июле — сентябре 1854 г. в Лондоне была сильная эпидемия холеры. «Холера в Лондоне убывает, хотя в прошлую неделю еще 1250 умерло», — писал Герцен М. К. Рейхель 28 сентября 1854 г. (VIII, 97; см. также 94—96).

³ *Погабыя о заразе*, т. е. о холере, которая свирепствовала тогда и в действующих армиях, на Альме — имеется в виду сражение на реке Альме 20/8 сентября 1854 г.

⁴ Речь идет об «Almanach d'exil pour 1855» («Альманах изгнания на 1855 г.»), изданном Рибейролем, Пианчиани и другими джерсийскими политическими эмигрантами. Герцен написал для «Альманаха» упоминаемую ниже статью «Дуализм — это монархия», которая и была там напечатана (см. изд. АН, т. XII, стр. 217—225 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 218—225).

⁵ Среди своих американских недоброжелателей Герцен называет Колачека (о нем см. в настоящем томе по указателю), выступавшего против него «в одном американском журнале» (изд. АН, т. XI, стр. 160). Какие газеты вступились за Герцена, установить не удалось: в советских книгохранилищах отсутствуют полные комплекты американской периодики тех лет. Весьма вероятно, что Герцена защищали дружественный ему «Le Republicain de New-York» и газета Митчеля. «В Америке меня немцы в своих

* во-первых (лат.).

** во-вторых (лат.).

журналах обругали, как нельзя лучше, а Мичель защищает», — сообщал Герцен М. К. Рейхель 21 ноября 1854 г. (VIII, 118; см. также письмо к ней от 16 октября 1854 г. — VIII, 105). Джон Митчель или Мичель (Mitchel, 1815—1875) — ирландский националист. В 1848 г. был приговорен к 14 годам ссылки и отправлен на Бермудские острова, затем на мыс Доброй Надежды и, наконец, в Ван-Дьем (Австралия), откуда в 1853 г. бежал в Америку. В 1854 г. издавал в Нью-Йорке газету «The Citizen» («Гражданин»). Герцен упоминает эту газету в письме к Мишле от 2 марта 1855 г. (VIII, 156).

⁶ Имеются в виду три письма (12—14) из цикла «Письма из Франции и Италии», которые тогда не были еще ни разу напечатаны. Герцен предлагал их Рибейролю для «L'Homme» (см. «Письмо к Рибейролю, издателю журнала «L'Homme»» — изд. АН, т. V, стр. 218). Но в газете они не появились. Что помешало этому — до сих пор не было известно и устанавливается здесь впервые. Публикуемое письмо к Пианчиани позволяет сделать еще одно уточнение. Статья «Дуализм — это монархия» рассматривалась до сих пор как фрагмент одного из писем из Франции и Италии (ср. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 220). Мы видим теперь, что статья является самостоятельным произведением и была написана специально для «Альманаха».

⁷ В сентябрьской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1854 г. (vol. VII, p. 857—899) была помещена статья А. Делава (H. Delaveau) «Les années de prison et d'exil d'un écrivain russe» («Годы тюрьмы и ссылки одного русского писателя»), посвященная выпущенной в издании Вольной русской типографии книге Герцена «Тюрьма и ссылка» (1854). Статья представляет собой в значительной части перевод текста Герцена. У Лемке (см. XXII, 274) она ошибочно названа рецензией на книгу «О развитии революционных идей в России».

14

14 novembre <1854>. Twickenham.
Bridgefield villas

Cher Pianciani,

Vous ne m'avez pas répondu concernant l'article¹, c'est pour cela que je n'ai rien fait ou presque rien.

Eh bien, la guerre devient tout à fait féroce; la guerre — c'est l'ancien monde, c'est tout ce que nous haïssons, la force brutale, l'amour-propre exalté, la nationalité qui se sent dans la haine. Faites avec cela des républiques.

J'ai oublié l'autre jour de vous répondre concernant les 10 liv<res> — de grâce n'y pensez pas, vous les rendrez quand vous voulez.

J'ai une lettre de Saffi.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

14 ноября <1854 г.>. Твикенгем.
Bridgefield villas

Дорогой Пианчиани,

Вы ничего мне не ответили насчет статьи¹, поэтому я ничего не сделал или почти ничего.

Ну что же, война поистине становится свирепой; война — это старый мир, это все, что мы ненавидим, — грубая сила, иступленное самолюбие, национальное чувство, проявляющееся в ненависти. Попробуйте тут создавать республики.

Прошлый раз я позабыл вам ответить насчет 10 фунтов — ради бога, не думайте об этом, можете вернуть их, когда хотите.

Я получил письмо от Саффи.

Весь ваш

A. Герцен

¹ См. примеч. 4 к предыдущему письму.

15

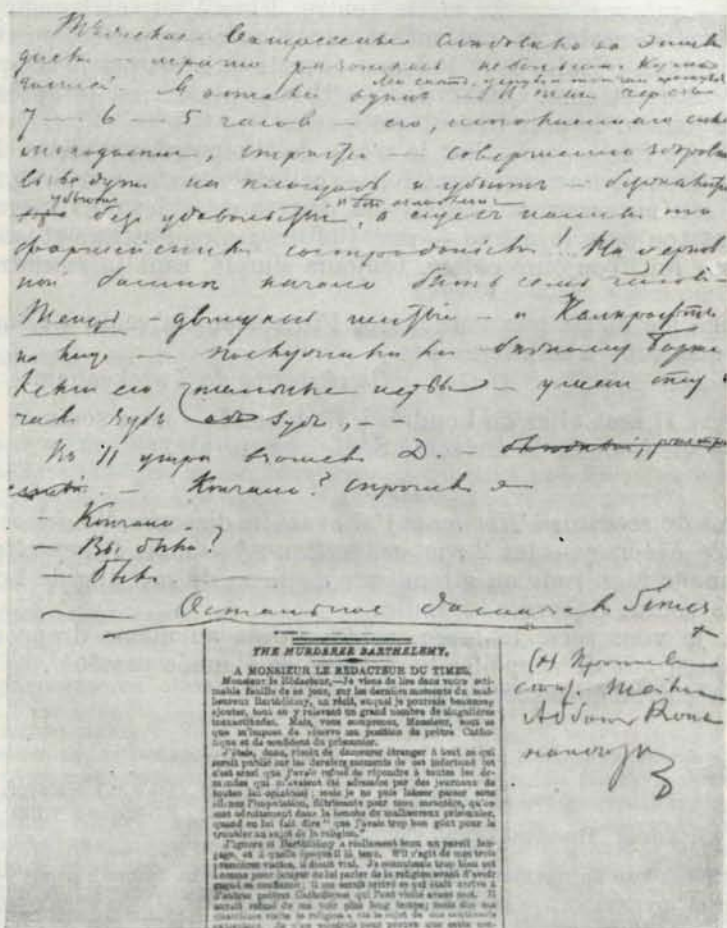
7 décembre <1854>. Jeudi. Twickenham.
Bridgefield villas

Cher Pianciani,

Je ne vous ai pas répondu à votre avant-dernière lettre, pensant que la stricte obéissance à votre ordre amical d'envoyer l'article à Ribeyrolles¹ était la meilleure réponse. Vous m'obligerez en parcourant cette petite

chose — dites-moi franchement votre opinion. Saffi, Domengé et Talandier en sont contents — je pourrais, si cela n'effarouche pas trop, envoyer avec le temps encore de la scolastique à la <1 нрзб> du doctrinarisme — Penhoos(?).

Je recevrai probablement ce soir votre discours dans l'Homme² — je retiendrai ma lettre jusqu'à demain. Quant au meeting de S. Martin's Hall — cela

ЛИСТ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «БЫЛОГО И ДУМ». ЧАСТЬ VI,
ГЛАВА «БАРТЕЛЕМИ»

К листу приклеена вырезка из газеты «Times» с письмом аббата Ру, о последних минутах Бартелеми. Письмо включено Герценом в текст мемуаров

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

n'a été que l'exhibition de Kossuth — son discours est très bon³; dès que Buol et Aberdeen l'ont lu⁴, ils ont conclu une traité — contre la Pologne, l'Italie et la Hongrie — et cela le 2 décembre. — Le Times dit que c'est de bonne augure⁵.

Pas un Polonais n'a parlé — la Centralisation jouait le premier rôle, c'est à dire celui de la Muette de Portici dans un opéra. On m'a amicalement prié de ne pas parler — j'ai fait plus, voulant être aimable sans bornes, je n'y suis pas allé. Je pense que c'était une faute de la part de la Centrale — et je ne sais pas si elle était couverte par la vente des billets⁶.

Vous savez comme je déteste les libéraux, les révolutionnaires-conservateurs, les amis de l'ordure publique... Regardez ce que le *Daily News* parle même de Kossuth... «Il ne doit pas oublier qu'il doit sa vie à l'Angleterre... et il ose attaquer nos généraux».

Pianciani, vous l'avez dit l'année passée: voilà nos ennemis, on peut s'entendre plutôt avec Aberdeen, avec Soulouque, le Bey de Tunis, la reine Popuasse — qu'avec ces f. métais entre liberté et esclavage; avec ces infamies sentimentales et philanthropiques qu'on appelle Espartero⁷.

«Nous aimons l'Italie et la Pologne — mais ce n'est pas le temps de nous parler de ces questions». Quand donc, s'il vous plaît ...est-ce après la paix? Et c'est le journal le plus libéral qui parle.

Encore une fois — oui, c'est le siècle de l'impuissance virile. Il ne parviendra qu'à avoir une seule érection — celle d'une statue à S.Arnaud, qui a joui de son enterrement — celui des deux armées les plus magnifiques⁸.

Saffi est toujours le même — moi j'ai un profond estime et une ardente amitié pour lui. Toujours calme, toujours simple, sans la moindre affectation.

Domengé me disait que vous aviez l'intention de venir à Londres — je comptais que vous n'oublierez pas

le cénobyte de Twickenham.

A propos, il faut aller de Londres à Richmond — nous sommes tout près du Pont — vis-à-vis de la maison à S. Helena terrace.

Rue.

Je viens de recevoir l'*Homme* et j'ai avalé les discours. Vous êtes beaucoup plus avancé à Jersey — les 2 sont magnifiques⁹ — mais Ribeyrolles¹⁰ a fait une savonnade bien rude au girondisme anglican du meeting de Londres.

Tu l'as voulu, G(eorges) Dandin.

Adieu, je vous serre la main, soldat fidèle au même drapeau. — Vous avez très bien fait de rappeler le discours de l'année passée¹¹.

Hugo a été magnifique, n'est-ce pas?

H.

Перевод:

7 декабря <1854 г.> Четверг. Твикенгем.
Bridgefield villas

Дорогой Пианчиани,

Я не ответил вам на предпоследнее письмо, полагая, что лучший ответ — это точно исполнить ваш дружеский приказ, отослав статью Рибейролю¹. Вы меня очень обяжете, просмотрев эту статейку, — скажите мне откровенно ваше мнение. Саффи, Доманже и Таландье ею довольны; я бы мог, если это не слишком вас испугает, прислать со временем еще немного схоластики на манер <1 нрзб.> доктринерства — Penhoos(?).

Вечером я получу, вероятно, вашу речь в «L'Homme»², а потому задержу письмо до завтра. Что касается митинга в S. Martin's Hall'e, — это было не что иное, как показ Кошута — его речь очень хороша³; как только Буоль и Абердин⁴ ее прочли, они заключили договор против Польши, Италии и Венгрии — и это 2-го декабря. — «Times» говорит, что это доброе предзнаменование⁵.

Ни один поляк не выступал. Централизация играла главную роль, иначе говоря роль «Немой из Портичи» в опере. Меня дружески просили не выступать — я сделал больше: желая показать беспредельную любезность, я совсем не пошел. Мне кажется, это была ошибка со стороны Централизации — не знаю, окупилась ли она продажей билетов⁶.

Вы знаете, как я ненавижу либералов, революционеров-консерваторов, любителей общественных нечистот *... Поглядите, что пишет «Daily News» даже о самом Кошуте...

* Каламбур: «l'ordure publique» — общественные нечистоты, «ordre public» — общественный порядок по-французски звучат схоже.

«Он не должен забывать, что обязан жизнью Англии... а он еще смеет нападать на наших генералов».

Пианчиани, вы сказали еще в прошлом году: вот наши враги, — можно сговориться скорее с Абердином, Сулуком, тунисским беом, королевой папуасов, чем с этими<...> ублюдками свободы и рабства, с этой сентиментальной и филантропической мерзостью, именуемой Эспартеро⁷.

«Мы любим Италию и Польшу — но сейчас не время обращаться к нам по этим вопросам». А когда же, скажите на милость?.. Неужели после заключения мира? И так говорит самая либеральная из газет!

Еще раз повторяю — да, это век мужского бессилия. Ему удастся только один акт: воздвигнуть статую Сент-Арно, который извлек пользу из своих похорон, — похорон двух самых могущественных армий⁸.

Саффи все такой же — я питаю к нему глубокое уважение и горячую дружбу. Всегда спокоен, всегда прост, ни тени аффектации.

Доманже говорил мне, что вы собирались приехать в Лондон, — надеюсь, вы не забудете посетить

Твикенгемского отшельника.

Кстати, надо приехать из Лондона в Ричмонд — мы живем у самого моста, против дома на площади св. Елены.

На улице:

Я только что получил «L'Homme» и пробежал все речи; вы стали гораздо решительнее там, на Джерси — две из них замечательны⁹; однако Рибейроль закатил жестокую головоломку англиканскому жироидизму Лондонского митинга¹⁰.

Ты этого хотел, Ж(орж)Данден!*

Прощайте, жму вашу руку, руку верного солдата, не меняющего своего знамени. — Вы прекрасно сделали, напомнив о прошлогодней речи¹¹.

Гюго был великолепен, не правда ли?

Г.

¹ Подразумевается статья для «Альманаха изгнанных» (см. примеч. 4 к письму № 13).

² См. ниже, примеч. 9.

³ Герцен говорит о выступлении Кошута 29 ноября 1854 г. на митинге, посвященном 24-й годовщине польского восстания 1830 г. Участие Кошута привлекло множество народа, так что обширный зал Мартинс-Холла не мог вместить всех желающих. В своей речи Кошут подверг критике политику и стратегию Англии. По его мнению, Англии следовало бы поставить своей военной целью — не уничтожение русского флота, не захват Крыма, а освобождение Польши, Венгрии, Италии, т. е. борьбу с русским и австрийским абсолютизмом. Ахиллесова пята России — не Крым, а Польша. Нападение на Россию нужно было бы начинать с Польши, которая, восстав, присоединилась бы к английской армии, а примеру Польши последовали бы Венгрия и Италия. Речь Кошута имела огромный резонанс, цитировалась, обсуждалась и критиковалась всей европейской печатью. Об этом выступлении Кошута Герцен упоминает в «Былом и думах» (см. изд. АН, т. XI, стр. 29).

⁴ Карл Фердинанд Буоль-Шауэнштейн, гр. (Buol-Schauenstein, 1797—1865) — австрийский министр иностранных дел и канцлер (1852—1859). — Джордж-Гамильтон Абердин (1784—1860) — английский премьер-министр (декабрь 1852 — январь 1855).

⁵ 2 декабря 1854 г. был заключен договор о союзе между Австрией и западными державами. — 2 декабря 1851 г. — день бонапартистского переворота. Отсюда и доброе предание, которое видел «Times» в заключении договора именно 2 декабря.

⁶ В письме к М. К. Рейхель от 14 декабря 1854 г. Герцен так описывал митинг 29 ноября: «На польском митинге на сей раз говорил только Кошут; я, как просили, красноречиво молчал. А так как в их партии нет ни одного поляка, который бы умел связать пять слов, то поляки и не говорили на польском митинге» (VIII, 249—250). «Немая из Портичи» (или «Фенелла») — опера французского композитора Обера.

⁷ Бальдемеро Эспартеро (1793—1879) — герцог де ла Виттория, испанский генерал, лидер прогрессивной (либеральной) партии, регент Испании (1841—1843). В 1854 г., вернувшись к власти, Эспартеро пошел вначале на некоторые либеральные

* Из комедии Мольера «Жорж Данден». — *Ред.*

ЛОНДОН. ВИД НА ТЕМЗУ

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

уступки, которые затем взял обратно, а мадридское восстание (август 1854 г.) было им жестоко подавлено.

⁸ *Сент-Арно* (см. о нем в письме к Саффи № 5) умер 29 сентября 1854 г. в Крыму. Был привезен во Францию и похоронен с почестями, как победитель при Альме. Роль его как полководца более чем сомнительна. «Что касается Леруа Сент-Арно,— писал Маркс,— то на него <...> никто не смотрел как на главнокомандующего», и в другом месте: «Он своему императору оказал услугу тем, что скоро умер» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, 1933, стр. 171; там же, стр. 421). Слова Герцена должны, очевидно, означать, что ранняя смерть Сент-Арно создала ему совершенно незаслуженный ореол славы и помешала установить истинное значение его «побед», купленных ценою огромных и неоправданных жертв двух армий: французской и английской.

⁹ Имеются в виду речи В. Гюго и Пианчиани на митинге, организованном джерсийской эмиграцией в память 24-й годовщины польского восстания 1830 г. Отчет о митинге, напечатанный в «L'Homme» (№ 1 от 6 декабря 1854 г.), включает три речи — третья (Альберта Шмита) менее интересна, чем две указанные выше. (О джерсийском митинге и речи Пианчиани см. во вступительной статье к публикации, стр. 367).

¹⁰ Речь идет о статье Рибейроля в том же номере «L'Homme» от 6 декабря, содержащей резкую критику лондонского митинга в память 24-й годовщины польской революции, организованного польской Централизацией сепаратно от остальной революционной эмиграции (см. выше, примеч. 6). В газете развернулась полемика по этому вопросу (см. № 2 от 13 декабря 1854 г.— ответ Ст. Ворделя на статью Рибейроля и там же ответ на этот ответ Рибейроля).

¹¹ Пианчиани напомнил о своем выступлении на польском митинге 29 ноября 1853 г. в Лондоне, подчеркнув, что события истекшего года полностью подтвердили правильность выдвинутых им тогда положений. Как и год назад, он призывал поляков не доверять лживым обещаниям правительств Англии и Франции, не питать обманчивых надежд, что война с Россией, которую ведут эти правительства, изменит к лучшему судьбу Польши, а бороться за освобождение своего народа сообща с другими народами, в рядах воинствующей европейской демократии.

Cher Pianciani, ne me voulez pas de mon silence, j'ai passé de bien tristes journées depuis un mois et je vous écris aujourd'hui seulement pour parler de la même affaire, qui m'occupait tout le temps et qui m'a diablement chagriné. Je parle de l'affaire Barthélemy ¹. Quel homme et quelle mort! Comment donc le grand monopoliseur de la question de la peine de mort V<ictor> Hugo s'est tu? — Et on a laissé pendre cette énergie, cette force de caractère! Avez-vous lu les détails de sa mort dans le *Times* du 23? C'est antique,— eh bon Dieu, pour nous Russes, grâce à Nicolas, nous sommes habi-

tués à confondre les potences avec la croix. On a assassiné un homme — puisqu'on ne l'a pas jugé sur le fond de l'affaire.

J'ai eu sous les yeux q<uel>q<ues> lettres que B<arthélemy> avait écrites — de la prison, quel talent d'*absence* de rhétorique — pas *une* phrase, et vous connaissez comme la phrase est douce au cœur d'un Français.

Après cette exécution j'ai encore plus de haine — et c'est un bon sentiment.

Adieu — cher Pianciani — je suis triste et malade.

Mes affaires vont bien. Avez-vous par hasard l'*Athenaeum*? Dans le № du 6 janvier un Anglais parle beaucoup de l'Imprimerie² — immédiatement après on a demandé mon autorisation de traduire les publications russes en anglais et allemand.

Domengé vient toujours 3 fois par semaine chez nous.

Tout à vous A. Herzen

Перевод:

24 января <1855 г.>. Твиннгем.
Richmond house

Дорогой Пианчиани, не обижайтесь на мое молчание. Я пережил за этот месяц много грустных дней и пишу вам сегодня только затем, чтобы поговорить о деле, которое все это время меня сильно тревожило и чертовски опечалило. Я говорю о деле Бартеlemi¹. Какой человек и какая смерть! Почему же смолчал великий монополист по вопросам смертной казни, В<иктор> Гюго? Как допустили, чтобы был повешен этот энергичный, сильный духом человек? Читали ли вы в «Times» от 23-го подробности его смерти? Это античный герой, — ах, боже мой, мы-то русские, по милости Николая, приучились смешивать виселицу с распятием. Человека убили, потому что судили его, не разобравшись в деле по существу.

Я видел своими глазами несколько писем, написанных Б<артеlemi> из тюрьмы; какое изумительное *отсутствие* риторики — ни одной фразы, а вы знаете, как падали французы на фразы.

После этой казни я чувствую еще больше ненависти, а это хорошее чувство.

Прощайте, дорогой Пианчиани, я удручен и болен.

ЛОНДОН. СЕНТ-ДЖЕМСКИЙ ПАРК

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Дела мои идут хорошо. Нет ли у вас случайно «Athenaeum'a»? — в номере от 6 января какой-то англичанин много пишет о типографии²; тотчас же вслед за этим у меня попросили разрешения перевести русские издания на английский и немецкий языки. Доманже по-прежнему бывает у нас 3 раза в неделю.

Весь ваш

А. Герцен

¹ См. примеч. 3 к письму № 7 к Саффи.

² См. примеч. 2 к тому же письму.

17

<Twickenham.> 6 mars <1855>

Cher Pianciani,

Vive la mort, et vive le mort. Enfin le cauchemar de l'Europe, le vampire de Russie donne un dîner (comme dit Hamlet, l'archiduc) aux vers¹.

Quel chemin s'ouvre devant nous... fichtre... Dans tous les cas le vieil édifice ne peut durer.

Au diable Nesselrode,

Au diable m-r Orloff.

...et des hommes nouveaux et la révolution pénétrant quand-même.

Votre discours est très beau..., mais très beau à l'exception d'un mot «La république vengera». Elle n'a rien à venger en Crimée, la Crimée doit être vengée à Paris et à Londres².

Mais qu'avez-vous fait de Hugo, il a fait un fiasco énorme³.

Le discours de Bianchi est froid, mais plein de sens⁴.

Cher Pianciani, Zéno m'écrit de prendre des actions pour l'*Homme* — ni pour l'homme, ni pour la femme, ni pour l'*Hermaphrodite**. J'ai d'autres vues. Sauvez moi <...> **

P. S. Je vous assure, que je ne peux rien faire pour le sauvetage de l'*Homme*. — Dites donc à ces braves citoyens.

Перевод:

<Твиккенгем.> 6 марта <1855 г.>

Дорогой Пианчиани,

Да здравствует смерть и да здравствует мертвый! Наконец-то кошмар всей Европы, вампир России, «дает обед червям» (как говорит наследный принц Гамлет)¹.

Какие дороги открываются перед нами... чёрт поберет... Во всяком случае, старый порядок не может продолжаться.

К чёрту Нессельроде,

К чёрту г-на Орлова.

...и новые люди и проникновение революции, несмотря ни на что.

Ваше выступление очень, очень хорошо, за исключением слов: «Республика отмстит». Ей нечего мстить за Крым; Крым должен быть отмщен в Париже и Лондоне².

Но что вы сделали с Гюго? — он потерпел жестокое фиаско³.

Речь Бианки холодна, но полна смысла⁴.

Дорогой Пианчиани, Зено пишет, чтобы я взял акции для «L'Homme» — не возьму ни для мужчины, ни для женщины, ни для «Гермафродита»*. У меня другие намерения. Спасите меня <...> **

P. S. Уверяю вас, что ничего не могу сделать для спасения «L'Homme». Скажите же этим славным гражданам.

* Каламбур: «L'Homme» (название газеты) по-французски означает «человек» и «мужчина».

** Слово полусерто. — Ред.

¹ Подразумевается смерть Николая I, умершего 2 марта 1855 г.

² Имеется в виду речь ПIANЧИАНИ на митинге в память седьмой годовщины февральской революции, организованном джерсийскими эмигрантами 24 февраля 1855 г. Возражения Герцена вызвали следующие слова этой речи, процитированные им не совсем точно: «Можно ли молчать!.. можно ли молчать, когда крымская земля стала красной от крови сынов народа, наших детей, наших братьев, когда мы можем сказать русскому самодержцу: „Не предавайтесь чрезмерной радости, глядя на кладбища, созданные вами. Революция идет за вами в арьергарде и наступит день, когда народ отомстит за своих детей, павших жертвой бессилия царей“» («L'Homme», № 13 от 28 февраля 1855 г.).

«Крым должен быть отмыт в Париже и Лондоне» — Герцен подразумевает народное отмщение за войну правительствам Англии и Франции, т. е. революционные действия самих французов и англичан против своих правительств.

³ Речь Гюго на том же митинге в память седьмой годовщины февральской революции 1848 г. Замечание Герцена о речи Гюго не совсем ясно. Газета отмечает успех его «великолепного» выступления, «глубоко взволновавшего» слушателей. Быть может, Герцену не понравился чрезмерный утопизм утверждений Гюго. Оратор рисовал идиллическую картину сосуществования европейских народов, объединенных в единую республику, которая стала бы уже, по его мнению, реальностью, если бы Франция возглавила в 1848 г. революции других стран («L'Homme», № 13).

⁴ А. Бианки — французский политический эмигрант; ранее редактор газеты «Le Messager de Nord», выходившей в Лилле. Герцен ошибся — на джерсийском митинге Бианки не произносил речи, а сказал, как председательствующий, лишь несколько вступительных и заключительных слов. В газете, кроме речей Гюго и ПIANЧИАНИ, напечатана большая речь Ж.-В. Амизля (Amiel). К его выступлению и относится, очевидно, характеристика Герцена.

18

16 mars <1855>. Twickenham.
Richmond house.

Cher PIANCIANI,

Vous voilà en flagrante contradiction avec Jésus Christ — lui il s'appela le *Fils de l'Homme*. Vous — vous êtes le *Père de l'Homme*.

Nous avons très franchement parlé avec Teleki¹; je ne peux, je ne dois éparpiller mes forces. J'agis, je suis utile (si je me trompe, c'est ma folie) pour le monde russe. Il faut avoir le *courage des limites* — tout ce que je peux faire pour l'*Homme* (*homo sum et nihil humanum a me alienum puto*) — c'est de vous prier de verser peu à peu les dix livres que vous me devez.

A propos, est-ce pour *captatio benevolentia* que la rédaction a fait une note très peu obligeante aux discours de Saffi et de Domengé. On a très mal vu ici cette sortie (entre nous soit dit)².

La mort de Nicolas est d'une haute importance pour nous, le fils peut être pire, mais il doit être *autre* et ne pourra jamais continuer cette pression uniforme et incroyable que faisait son père. Pour nous la guerre est moins désirable — car la guerre éveille le sentiment de nationalité, mais une paix lâche — voilà ce qui ferait notre affaire en Russie.

Est-ce que Zéno a fait tirer des exemplaires à part de mon discours³, je le prie de m'envoyer 150 exemplaires — mais sans trop tarder.

Ensuite une question. Est-ce que Ribeyrolles voudrait écrire un article sur *La Renaissance* de Michelet — c'est une œuvre *admirable*⁴. Michelet m'a envoyé q<uel>q<ues> exemplaires — je pourrais envoyer par Teleki — mais il faut un article et on peut mettre des fragments. Dites le moi. Adieu, cher PIANCIANI.

Je vous envoie un médaillon en bronze de Barbès que je prie d'accepter comme témoignage d'amitié de ma part⁵. Adieu.

Teleki m'a dit que vous m'aimez toujours — je n'en ai pas douté et je vous serre la main de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

16 марта <1855 г.>. Твиннгам.
Richmond house

Дорогой Пианчиани,

Вот вы и вступили в явное противоречие с Иисусом Христом: он называет себя *Сын человеческий*. А вы — вы *отец Человека* *.

Мы очень откровенно говорили с Телеки ¹; я не могу, не имею права дробить свои силы. Я тружусь, я полезен русскому обществу (может быть я ошибаюсь, но это мой конок). Надо иметь *мужество ограничить себя*. Все, что я могу сделать для «L'Homme» (*homo sum et nihil humanum a me alienum puto*) ** — это просить вас вносить туда понемногу те десять фунтов, что вы мне должны.

Кстати, уж не ради ли *captatio benevolentia* *** редакция тиснула весьма невежливую заметку о речах Саффи и Доманже? Эта выходка произвела здесь (между нами говоря) очень дурное впечатление ².

Смерть Николая имеет для нас огромное значение: сын может быть хуже отца, но все же должен быть *иным*, при нем не может продолжаться тот непрерывный, невероятный гнет, какой был при отце. Война для нас не так желательна, ибо война пробуждает националистическое чувство; позорный мир — вот что поможет нашему делу в России.

Напечатал ли Зено отдельные оттиски моей речи? ³ Прошу его прислать мне 150 экземпляров и без особенной задержки.

Затем еще один вопрос. Не захочет ли Рибейроль написать статью о «Возрождении» Мишле — это *замечательный* труд ⁴. Мишле прислал мне неск(олько) экземпляров, я мог бы отправить их с Телеки, но нужна статья и можно поместить отрывки. Ответьте мне. Прощайте, дорогой Пианчиани.

Посылаю вам бронзовый медальон с изображением Барбеса и прошу принять его от меня в знак дружбы ⁵. Прощайте.

Телеки сказал, что вы любите меня по-прежнему — я в этом не сомневался и жму вашу руку от всего сердца.

А. Герцен

¹ Сандор Телеки (Teleky, 1821—1892) — венгерский политический деятель, участник революции 1848 г.

² Имеются в виду речи Саффи и Таландьё (у Герцена описка — Доманже) на митинге в память седьмой годовщины февральской революции, в Мартинс-Холле в Лондоне, 27 февраля 1855 г. Публикации этих речей в «L'Homme» предпосланы следующие, возмущившие Герцена, строки от редакции: «*Митинг в Лондоне, посвященный 24 февраля*. Выполняя наше обещание, мы публикуем ниже речь гражданина Альфреда Таландьё и письмо гражданина Саффи <Саффи на митинге не присутствовал и прислал свою речь в письменном виде>. Между обоими этими выступлениями существует глубокое различие, хотя им и была предоставлена одна и та же трибуна. Но разве великий долг изгнания не зовется Свободой? Мы, по крайней мере, так его понимаем, предоставляя высшим авторитетам судить и решать» («L'Homme», № 15 от 14 марта 1855 г.).

Редакция подчеркивала этим свое несогласие с публикуемой речью Таландьё, выступившего с пропагандой социалистической революции. Речь Таландьё очень нравилась Герцену (ср. в письме № 8 к Саффи и в примеч. 5 к этому письму). Его негодование вызвала, очевидно, антисоциалистическая позиция, занятая газетой. Еще более резкую характеристику редакционной заметке Герцен дал в письме к Саффи (см. письмо № 10).

³ Герцен говорит о речи на митинге 27 февраля 1855 г. в седьмую годовщину февральской революции. Он произнес ее на французском языке. Речь была напечатана в «L'Homme» (№ 14 от 7 марта 1855 г.), а также вышла отдельной брошюрой на Джерси («Discours d'Alexandre Herzen, exilé russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855 dans St. Martin's Hall à Londres en commémoration des grands mouvements révolutionnaires de 1848». Jersey, 1855).

⁴ Имеется в виду «Возрождение» Мишле («Histoire de France au seizième siècle. Renaissance»). См. в письме № 8 к Саффи и примеч. 9 к этому письму. «L'Homme»

* Каламбур: «L'Homme» (название газеты) по-французски «человек» (ср. на стр. 394).

** я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

*** снискания благосклонности (лат.).

поместил отрывки из «Возрождения» (№№ 18, 25 и 31 от 4 апреля, 23 мая и 4 июля 1855 г.).

⁵ Медальон был, вероятно, сделан в связи с посещением Барбесом Англии в феврале—марте 1855 г., после выхода на свободу (октябрь 1854 г.). О встрече Герцена с Барбесом см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 49—52, а также VIII, 152).

19

23 mars <1855>. Twickenham.
Richmond house

Cher PIANCINI,

J'ai reçu votre lettre et j'enverrai le volume de Michelet — c'est un chef d'œuvre; depuis 1842, c'est à dire depuis l'apparition du livre

N° 1419]

THE ATHENÆUM

7

LONDON, SATURDAY, JANUARY 6, 1855.

REVIEWS

Prison and Banishment. From the Memoirs of Iskander—(Tyurma i Snučka. Iz zapisk Iskandera). London, Sold at the Russian Printing Office.

Are many of our readers aware that there is a Russian press in London? We do not mean an Anglo-Russian press—newspapers conducted more or less in Russian interests and animated with a Muscovite spirit; but a veritable Russian press, printing Russian books in the Russian language, for the purpose of circulation in Russia? Such is the fact. This press is active, vigilant, prolific. Moreover it is free. No censor suggests its issues, no police controls its types. It prints what it pleases; and it circulates what it can. In a word, the Russian Free Press in London is a Democratic Press.

There is a visible destiny in the connexion of England with Russia. Three centuries have now elapsed since the news came to England that Richard Chenevillor, on his voyage in search of a northwest passage to China, had unexpectedly discovered the Russian Empire. The intelligence reached London at a time when Spain and England were more

Lodolf's death, in 1710, and remodelled the Russian alphabet to its present shape, and set Russian literature adrift as well as a Russian fleet.

Whatever may have been the wishes of England in regard to the growth of Russian power, there has, we presume, never been a difference of opinion as to the growth of literature and learning among a race which it was desirable, for its own sake and that of others, to soften and humanize. The progress of literature in Eastern Europe has never attracted so much attention in Western Europe as it deserves, but that attention has always been of a friendly and sympathizing character. It has often been a matter of regret, though not of surprise, that nothing could be known of the independent and untrammelled voice of the Russian mind. Even in the darkest times of Western Europe there was always a means for the conquered political or religious party of any State to make its sentiments known and to preserve them for posterity. The Spanish and Italian martyrs of the Protestant Reformation still speak in the pages of Valdez and Vermiglioli;—the Russian Catholics of England kept alive the presses of Douay and Louvain;—the victims of the dragonnades of Louis the Fourteenth deluged England and

a bird home to celebrate the return of Spring;—a mission allotted to his Psalm in some pretty verses, said to be written during a temporary banishment;—

Ahead I still to freedom cling,
Kept up at home from age to age;
And so the bird of spring,
I bid a fond home from its cage.
This then my freedom took their ring,
Could I mightier have heaven's dower of sin,
Wish, to a single living thing
I had the power of giving freedom!

The pamphlet on St. George's Day is addressed "To the Russian Gentry" (Gentry is the nearest translation of "Dvoryanstvo"). It commences thus:—

Let the first free Russian word from beyond the frontier be addressed to you. It is in the midst of you that the need for independence has shown itself, the effort for freedom and all the intellectual activity of the age just past. It is strange to you that the solidifying minority is found which redemns Russia in the eyes of foreign nations and its own. From your ranks arose Muraviev and Pestel, Ruzhkov and Pestelchik. From your ranks came Pushkin and Lermontov. We, too, who have left our country that our free Russian voice might be heard, though in a foreign land, we came from your ranks, and it is to you that we first address ourselves. Not with words of reproach,

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЖУРНАЛА «ТНЕ АТЕНАЕУМ» ОТ 6 ЯНВАРЯ 1855 г.
С ОТЗЫВОМ АНОНИМНОГО АВТОРА О «ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ» И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Сохранилась в бумагах Герцена

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

de Feuerbach sur la Chrétienté, je n'ai rien lu de pareil ¹. Je vous prie entre autres de lire, outre les chapitres de l'Introduction, VI De la création du peuple des sots, VII Proscription de la nature, XIII La Sorcellerie; lisez encore les pages 25—28 — le tableau de l'Italie. C'est un poème. Je vous adresserai le livre — mais après il faut nécessairement que le cit<oyen> Ribeyrolles écrive un article ou deux ².

Maintenant je vous prierai de me rendre un service. Voilà quatre semaines que je demande deux fois par semaine — a-t-on imprimé mon discours à part — ne l'a-t-on pas? Dans le second cas j'imprimerai ici ³. Quoique j'aie vu par une note que c'est à Zéno qu'il faut s'adresser, mais comme je vous écris, je vous en prie, donnez-moi une réponse <1 нрэд> ⁴.

La dernière nouvelle c'est qu'Alexandre — «the second edition» ⁴ — a trouvé un panégyriste vil et rampant et c'est Ivan Golovine — aha! le masque tombe, — «Notre Ange est monté au trône» etc., etc. ⁵

La Gazette d'Augsbourg l'a appelé «biographe de la cour»; peut-être je vous enverrai une lettre pour être insérée dans l'Homme à propos de cette bête.

J'attends donc un mot de réponse.

Tout à vous.

* Слово полустерто. — Ред.

Saluez de ma part Teleki. Vous a-t-il raconté de sa visite chez V<ictor> Schölcher⁶ et du portrait⁷ que je lui ai donné?

Je déménage — c'est à dire je retourne à Richmond.

Перевод:

23 марта <1855 г.>. Твингтем.
Richmond house

Дорогой Пианчиани,

Я получил ваше письмо и пошлю вам том Мишле, — это шедевр. С 1842 года, то есть после появления книги Фейербаха о христианстве, я ничего подобного не читал¹. Советую вам, между прочим, прочесть, кроме глав введения, главы: VI — О происхождении глупцов, VII — Гонение на природу, XIII — Колдовство; прочитайте также страницы 25—28 — описание Италии. Это настоящая поэма. Я пошлю книгу на ваше имя — только непременно нужно, чтобы гражд<анин> Рибейроль написал одну-две статьи².

Теперь я попрошу вас об одолжении. Вот уже целый месяц, как я запрашиваю по два раза в неделю, отпечатали ли мою речь отдельным выпуском или нет, — в последнем случае я напечатаю ее здесь³. Хотя, судя по одной заметке, с этим нужно обращаться к Зено, но раз уж я пишу вам, то вас и прошу дать мне ответ <1 нрзб>*

Последняя новость та, что у Александра — «the second edition»⁴ — объявился подлый и льстивый панегирист, не кто иной, как Иван Головин — ага! маска сорвана — «Наш ангел взошел на престол» и т. п.⁵

«Аугсбургская газета» прозвала его «придворный биограф»; может быть, я пришлю вам для напечатания в «L'Homme» письмо об этой скотине.

Черкните же словечко в ответ.

Весь ваш

Поклонитесь от меня Телеки. Рассказывали ли он вам о своем визите к В<иктору> Шельшеру⁶ и о портрете⁷, который я ему дал?

Я переезжаю, — то есть, возвращаюсь в Ричмонд.

¹ Ср. в письме Герцена к Мишле от 2 марта 1855 г. (VIII, 156), а также в письмах к Саффи №№ 8 и 10.

² См. примеч. 4 к предыдущему письму.

³ См. примеч. 3 к предыдущему письму.

⁴ Подразумевается Александр II.

⁵ 26 марта 1855 г. Герцен сообщал М. К. Рейхель: «Головин пишет статьи в пользу русского правительства и притом с такими фразами: „Наш ангел сел на престол!“ Теперь он покончил себя. Каков подлец?! „Аугсбургская газета“ первая выдала его» (VIII, 163). В архиве III Отделения сохранилось письмо Головина к Александру II от 18 марта 1855 г. с униженной и подбострастной просьбой об амнистии и разрешении вернуться в Россию (там же). Статья Герцена о Головине в «L'Homme» не появлялась и неизвестна.

⁶ Виктор Шельшер, или Шельхер (Chelcher, 1804—1893) — французский политический деятель, писатель. Участник революции 1848 г. После бонапартистского переворота был изгнан из Франции и эмигрировал в Англию (см. о нем в «Былом и думах» — изд. АН, т. XI, стр. 181—182).

⁷ О каком портрете идет речь — не установлено.

<Richmond. Vers la fin de mai 1855>.
Lundi 8 h<eures> du matin.
Cholmondeley Lodge

Cher PIANCIANI,

Je pense que ma lettre ne vous viendra pas à temps, j'irai à 3 h<eures> par l'express chez Rotsch<ild>, j'y serai vers 4. Je viendrai après vous cher-

* Слово полустерто. — Ред.

** Второе издание (англ.).

cher ou dans le café qui est vis-à-vis de Mansion House, au coin de la Cheapsid (Café de l'Europe, je crois)— après à Pall-Mall, ensuite chez vous.

Ma garantie ne serait pas de grande valeur, on n'a pas voulu la prendre pour la location d'une maison. Et je vous dirai en toute franchise que ma résolution de n'entrer dans aucune affaire pécuniaire — est très bien dictée par la nécessité de ma position. Vous me pardonnerez donc amicalement que je ne vous la propose pas. Où serai-je dans 6 mois,— et que serai-je?

Moi je n'ai pas trop d'autorité sur les Rotsch<ild> d'ici, en cas de besoin je pourrais écrire à M. Schaumbourg, le factotum de James Rotschild à Paris, là je suis plus connu¹. Dans tous les cas vous recevrez aujourd'hui la réponse — et si vous le désirez, nous irons ensemble mercredi — ou je vous enverrai un petit mot à M. Kestner (un des 1-ers commis de la maison).

Je vous salue de tout mon cœur. Louis Blanc a été hier chez nous; la lettre à V<ictor> Hugo ne sort pas de mon cerveau²... à force de chanter «...le 3... le 6... et la dame de Pique» — j'ai perdu la piste de l'intelligence.

Tout à vous

A. Herzen

L. Pianciani Esq.
10 Upper Fitzroy street
Fitzroy Square
London.

Перевод:

Ричмонд. Конец мая 1855 г.
Понедельник 8 ч<асов> утра
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Боюсь, что мое письмо не дойдет до вас во-время; в 3 ч<аса> я отправлюсь экспрессом к Ротш<ильду> и буду там к 4. После этого я пойду искать вас или в кафе напротив Mansion House или на углу Cheapside (в кафе под названием, кажется, «Европа»), потом в Pall-Mall, затем к вам домой.

Моя гарантия не слишком высоко ценится, ее не хотели принять даже для найма дома. И скажу вам со всей откровенностью, что мое решение не вступать ни в какие денежные сделки объясняется непрочностью моего положения. Простите же меня по-дружески, что я не предлагаю вам своей гарантии. Где я буду через полгода,— и что со мною будет?

Я не пользуюсь особенным влиянием у здешних Ротш<ильдов>; в случае нужды я мог бы написать г-ну Шомбургу, фактотуму Джемса Ротшильда в Париже, там меня больше знают¹. Во всяком случае, нынче вы получите ответ — и если хотите, мы вместе пойдем туда в среду, или же я дам вам записку к г-ну Кестнеру (одному из старших служавших банкирского дома).

Шлю вам привет от всего сердца. Вчера у нас был Луи Блан; письмо к В<иктору> Гюго не выходит у меня из головы²...распевая «...тройка... шестерка... дама пик» — я потерял всякую способность соображать.

Весь ваш

A. Герцен

Г-ну Л. Пианчиани
10 Upper Fitzroy street
Fitzroy Square
Лондон.

¹ 28 июля 1855 г. Герцен писал Адольфу Рейхелю: «...прошу вас, зайдите позвать руку Шомбургу. Я ему написал письмо относительно графа Пианчиани два месяца тому назад и не имею ответа» (VIII, 202). Это указание служит основанием для датировки настоящего письма.

² Письмо с приглашением сотрудничать в «Полярной звезде», к изданию которой приступал тогда Герцен. См. ниже в письмах №№ 22 и 23.

21

<Лондон. Конец мая 1855 г.>¹

Je serai à Pall-Mall à 7 h<eures>.

Перевод:

<Лондон. Конец мая 1855 г.>¹

Я буду в Pall-Mall в 7 ч<асов>.

¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.

22

<Richmond.> 6 juillet <1855>.
Cholmondeley Lodge

Cher PIANCIANI,

C'est une chose inconcevable, je n'ai pas de réponse de Schaumbourg auquel j'ai écrit deux jours avant votre départ¹. Ont-ils écrit à Rome, est-ce que Sch'aumbourg est malade ou la lettre égarée? Vous avez eu une série de malheurs cette fois, j'ai été franchement tout attristé lorsque j'ai appris que vous aviez perdu votre manuscrit — c'est terrible.

Saffi est à Londres, il a été ici toujours le même — l'homme le plus sympathique, le plus pur et le plus distrait.

Vous m'avez promis de remettre à V<ictor> Hugo mon programme de *l'Etoile Polaire* et le prier, si cela est faisable, de me donner un vers, un seul mot de sympathie pour le journal — pensez-vous que cela soit faisable? Ou dois-je écrire moi-même², dans ce cas ne lui dites rien, mais prévenez-moi.

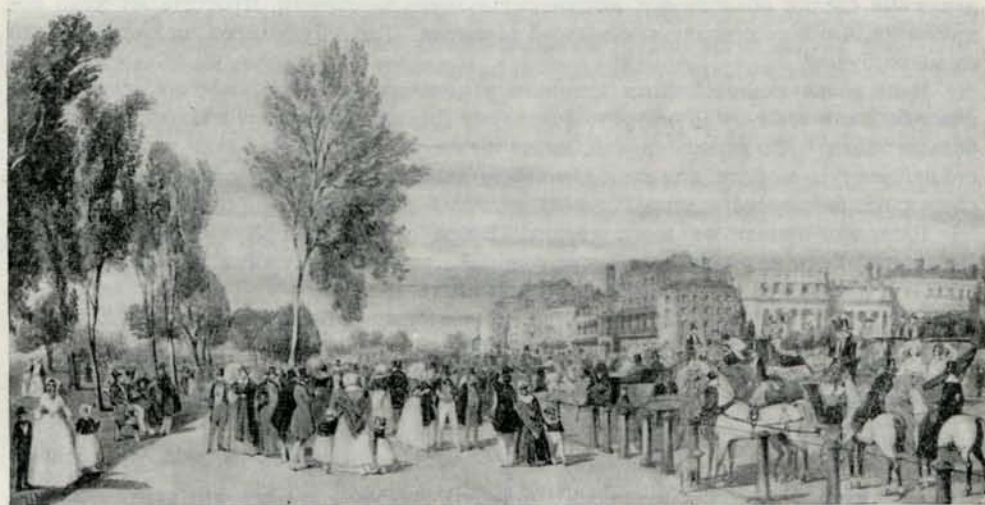
P<ierre> Leroux pourrait bien donner aussi un article—pour son article je le prierai d'accepter un honoraire (voilà un moyen comme un autre, pour lui aider).

Michelet m'a déjà envoyé un petit article charmant³.

Adieu. Je vous serre fraternellement la main.

A. H e r z e n

Que dites-vous de nos «disturbances» du Hyde Park? — Et c'était sérieux⁴.

ЛОНДОН. ГУЛЯНИЕ В ГАЙД-ПАРКЕ

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

МАССОВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТЕСТА ИЮЛЯ 1855 г. В ГАЙД-ПАРКЕ В ЛОНДОНЕ
ПРОТИВ ЗАКОНА О ЗАПРЕЩЕНИИ ТОРГОВЛИ В ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ
«The Illustrated London News» от 7 июля 1855 г.

Перевод:

«Ричмонд.» 6 июля 1855 г.
Chelmondeley Lodge

Дорогой Пианчиани,

Совершенно непонятная вещь, но я не получаю ответа от Шомбурга, которому написал за два дня до вашего отъезда¹. Писали ли они в Рим — может быть Ш(омбург) заболел или письмо затерялось? На этот раз на вас обрушился целый ряд несчастий, я был искренно огорчен, узнав, что вы потеряли свою рукопись, — это ужасно.

Саффи в Лондоне, он и здесь все такой же — самый милый, самый чистый и самый рассеянный из людей.

Вы обещали передать В(иктору) Гюго программу «Полярной звезды» и попросить его, если возможно, дать мне стихотворение, приветственное слово, обращенное к журналу, — это выполнимо, как вы думаете? Или же я должен написать ему сам?² В таком случае ничего ему не говорите, а дайте мне знать.

П(ьер) Леру тоже мог бы дать мне статью — за его статью я предложу ему гонорар (это один из способов помочь ему).

Мишле уже прислал мне предестную небольшую статью³.

Прощайте. Братски жму вашу руку.

А. Герцен

Что вы скажете о «disturbances»* в Гайд-парке? — Ведь дело было серьезное⁴.

¹ См. примеч. 1 к письму № 20.

² См. примеч. 2 к письму № 20.

³ Имеется, вероятно, в виду письмо Мишле, которое Герцен поместил в «Полярной звезде на 1855 год» (см. VIII, 192—194).

* беспорядках (англ.).

⁴ 24 июня, 1 июля (и позднее — 8 июля) 1855 г. в Гайд-парке в Лондоне имели место массовые рабочие демонстрации протеста против закона о запрещении торговли в воскресные дни. «Интересуются ли у вас страшным сопротивлением, которое английский народ оказывает глупому закону о праздновании воскресенья? — писал Герцен Мишле 8 июля 1855 г. — Пожалуйста, не верьте газетам. Это — очень серьезное и глубокое движение. Пршлое воскресенье в Гайд-парке текла кровь» (VIII, 191). Ср. у Маркса, который также придавал этим событиям большое значение (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. X, 1933, стр. 465—474).

23

17 juillet <1855>

Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher PIANCIANI,

Voilà une lettre que je vous prierai de remettre à Hugo¹ — moi je tiens assez sérieusement d'avoir les grands lutteurs du mouvement, donnant leurs consécration au milieu de cette guerre ignoble et sauvage — à un organe révolutionnaire russe². Savez-vous les détails de Kertch — on a violé des femmes, tué des enfants — la *Gaz<ette> d'Augsbourg*, même la *Presse* en ont parlé que ce sont les Anglais qui l'ont fait — et aucun journal, pas même celui de Kossuth<n> en a parlé. Cela serait une question à mettre dans l'*Homme*. Est-ce vrai que les Français se soient complètement abstenus du meurtre et du pillage? — La gazette officielle russe le dit aussi³.

Mais moi à votre place j'aurais inséré un article sur cette révélation de la *Gazette* qu'il y avait dans la malle avec des écrits — non dans l'*Homme*, mais envoyer une lettre signée au *Daily News*. Simple question.

Je n'ai pas de réponse de Schaumbourg. Peut-être les Rotschild savent que vous êtes rédacteur de l'*Homme* — dans tous les cas c'est étonnant.

Vous pouvez, cher PIANCIANI, lire la lettre, je crois qu'en aucun cas elle ne peut froisser.

Michelet, Mazzini et L<ouis> Blanc sont déjà parmi les «patrons» comme disent les Anglais⁴.

Adieu. Tout à vous

H e r z e n

П е р е в о д:

17 июля <1855 г.>

Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой ПIANCIANI,

Вот письмо, которое я прошу вас передать Гюго¹; я считаю весьма важным, чтобы в дни этой подлой и дикой войны великие борцы движения дали свое благословение русскому революционному органу². Известны ли вам подробности насчет Керчи? — там насиловали женщин, убивали детей. «Аугсбургская газ<ета>» и даже «*Presse*» писали, что это делали англичане, — и ни одна газета, даже листок Кошута, не проронила ни слова. Этот вопрос следовало бы поднять на страницах «L'Homme». Правда ли, что французы совершенно неповинны в убийствах и грабежах? Русская официальная газета также это утверждает³.

На вашем месте я не стал бы печатать в «L'Homme» ответ на появившееся в «Аугсбургской газете» разоблачение о содержащихся в пакете рукописях, а отправил бы письмо за своей подписью в «Daily News». Простой запрос.

Я не получал ответа от Шомбурга. Может быть, Ротшильды знают, что вы редактор «L'Homme». Во всяком случае, это странно.

Дорогой ПIANCIANI, вы можете прочесть письмо, я полагаю, что оно ни в коем случае не может обидеть.

Мишле, Мадзини и Л<уй> Блан уже вошли в число «патронов», как говорят англичане⁴.

Прощайте. Весь ваш

Г е р ц е н

¹ Ср. примеч. 2 к письму № 20. Это письмо Герцена, как и вообще его письма к Гюго, в печати неизвестно.

² Речь идет об участии вождей европейского революционного движения в «Полярной звезде». О значении, которое Герцен придавал этому участию, см. в статье «К нашим» (изд. АН, т. XII, стр. 297), а также в письме к Саффи № 15 и в примеч. 1 к этому письму.

³ Керчь была занята неприятельскими десантными войсками 24/12 мая 1855 г. Русские оставили город без боя. Герцен, по всей вероятности, говорит о следующей заметке из «Allgemeine Zeitung» (№ 185 от 4 июля 1855 г.), перепечатанной «Русским инвалидом»: «Аугсбургской газете» пишут из Вены от 29/17 июня: „Вы во многих случаях упоминаете о варварском разорении Керчи и Таганрога. Сообщаю вам несколько достоверных сведений (за справедливость их я ручаюсь) о злодействах, какие совершены в Керчи, и в которых, будь сказано к чести французов, участвовали большею частью англичане и турки как соратники, достойные друг друга. Между тем как французы с первого дня занятия Керчи обращались с жителями по-человечески и пеклись по возможности о безопасности их, англичане, как бы на смех, совершали внутри города самые гнусные преступления против лиц и собственности“» («Русский инвалид», № 43 от 1 июля 1855 г.) — *Листок Кошута* — еженедельная газета «The Atlas», выходившая при ближайшем участии Кошута.

⁴ То есть дали согласие на сотрудничество в «Полярной звезде».

24

28 juillet <1855>

Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher Pianciani,

A l'instant même je reçois votre second billet et la lettre de V(ictor) Hugo¹. Remerciez-le bien chaudement et remerciez vous-même aussi de ma part. J'ai écrit un article sur l'assistance que la phalange macédonienne de l'humanité, représentée par ses chefs, donne à la propagande russe; si vous le désirez je vous l'enverrai vers le 15 août dans une traduction française pour l'*Homme*². Je crois qu'on ne me trouvera pas ingrat. J'ai écrit aujourd'hui à Paris pour s'informer de votre affaire³. Je n'ai pas lu dans la *Gazette d'Aug(sbourg)* l'article concernant votre malle — vous m'en avez écrit.

Quant à Kertch il n'y a pas de doute que ce sont les Anglais qui ont fait toutes les horreurs. Il y avait sur cela 10 articles; je vous envoie un, tiré du journal russo-policié de Bruxelles⁴. Les noms des personnes tuées, des femmes violées ont été donnés. La *Presse* de Girardin se glorifie que ce ne sont pas les Français et le noble *Times* rejette une part sur eux et Kossuth n'en a rien dit et aucun journal anglais.

Il n'y avait pas de grandes nouvelles dans la *Gazette d'Augsbourg*. La seule chose intéressante c'est que le 6 — les troupes françaises attaquèrent les Russes en chantant la *Marseillaise*.

П е р е в о д:

28 июля <1855 г.>

Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой Пианчиани,

Я только что получил вашу вторую записку и письм о от В(иктора) Гюго¹. Передайте ему сердечную благодарность, а также поблагодарите от меня самого себя. Я написал статью о поддержке, которую македонская фаланга человечества, в лице своих вождей, оказывает русской пропаганде. Если желаете, я пошлю ее вам для *L'Homme* около 15 августа во французском переводе². Думаю, что меня не сочтут неблагодарным. Сегодня я написал в Париж, чтоб осведомиться о вашем деле³. Я не читал в *Аугсбургской газ(ете)* статьи о вашем пакете с рукописями, вы мне об этом писали.

Что касается Керчи, нет сомнения, что именно англичане творили все эти ужасы. Об этом появились десятки статей; посылаю вам вырезки из брюссельской русско-полицейской газеты⁴. Там приведены имена убитых мирных жителей, изнасилованных женщин. Жирарденовская «*Presse*» похваливается тем, что французы здесь неповинны, а благородный «*Times*» сваливает часть вины на них. И ни Кошут, и ни одна из английских газет никак на это не откликнулись.

В «Аугсб<ургской> газете» не было важных новостей. Единственное интересное сообщение, что 6-го французские отряды атаковали русских с пением «Марсельезы».

¹ Письмо Тьюго от 25 июля 1855 г. Герцен напечатал его в сокращенном переводе в 1-й книжке «Полярной звезды» на 1855 год» (VIII, 174; см. также «Лит. наследство», т. 31-32, 1938, стр. 828—856).

² Речь идет о статье «К нашим», написанной Герценом для первой книжки «Полярной звезды». Напечатана по-французски в «L'Homme», № 40 от 5 сентября 1855 г.

³ См. примеч. 1 к письму 20.

⁴ Подразумевается газета «Le Nord», начавшая выходить в Брюсселе 1 июля 1855 г. В ней сообщалось об истязаниях, которым подвергся греческий протоиерей Керчи, о зверском убийстве его жены, изнасиловании дочери, о грабеже, учиненном английскими матросами в доме керченского жителя Анатаза Кераджи, повешенного затем грабителями и т. д. («Le Nord», № 8 от 8 июля 1855 г.).

25

15 août <1855>. Cholmondeley Lodge.
Richmond

Cher Pianciani, M. Reichel que j'ai chargé d'aller chez Schaumbourg m'écrit enfin qu'il y a été — mais malheureusement la réponse n'est pas bonne et très étrange. S<chaumbourg> a dit que la maison Rot<schild> connaît de la manière la plus avantageuse votre famille — mais refuse d'entrer dans l'affaire, même avec ma «référence». Je vous cite mot-à-mot; je pense que ce refus est basé sur des motifs politiques; votre nom se répète sur chaque № de l'*Homme* et probablement ils pensent (et moi aussi) que vous avez besoin de l'argent pour la propagande.

Moi je suis désolé — mais il n'y a rien à faire.

L'article est tout prêt, mais l'*Etoile Polaire* ne paraîtra que le 20. J'ai pensé que cela ne sera pas bon d'imprimer avant la traduction, je vous l'enverrai un de ces jours ¹.

Hier nous avons passé la soirée avec Teleki. — Dimanche il vient avec Rimini ² à Richmond. J'enverrai à Ribeyrolles le 2 vol<ume> de Michelet ³.

J'ai vu Saffi (votre lettre ne le trouvera pas à Oxford) — oui, ce coup l'a terrassé! Trois jours avant la nouvelle de la mort de sa mère — il avait reçu une lettre d'elle et elle était bien.

Michelet a perdu sa fille mariée à Dumesnil.

Domengé imprime son livre sur les boissons — j'en bois quelquefois.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

15 августа <1855 г.>. Cholmondeley Lodge.
Ричмонд

Дорогой Пианчиани, г. Рейхель, которому я поручил пойти к Шомбургу, наконец написал мне, что он там был, но ответ, к сожалению, неблагоприятный и очень странный. Ш<омбург> сказал, что дом Рот<шильда> знает ваше семейство с самой лестной стороны, однако отказывается войти в дело, даже если будет моя «рекомендация». Я передаю вам слово в слово: полагаю, что отказ вызван причинами политическими, — ваше имя упоминается в каждом номере «L'Homme», и они, вероятно, думают (и я также), что деньги требуются вам на пропаганду.

Я очень огорчен, но делать нечего.

Статья совсем готова, но «Полярная звезда» выйдет только 20-го. Я подумал, что неудобно издавать сначала перевод; пришлю вам ее в ближайшие дни ¹.

Вчера мы провели вечер с Телеки. В воскресенье они с Римини ² придут в Ричмонд. Я пошлю Рибейролю 2<-й> том Мишле ³.

Я видел Саффи (ваше письмо уже не застанет его в Оксфорде) — да, этот удар сра-

ЛИСТОВКА, ВЫПУЩЕННАЯ
ГЕРЦЕНОМ В СВЯЗИ С
ПРЕДПРИЯТЫМ ИЗДАНИ-
ЕМ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»,
1855 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

L'ÉTOILE POLAIRE

(ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА)

REVUE DE L'ÉMANCIPATION RUSSE

RÉDIGÉE EN RUSSIE À LONDRES

PAR

ISKANDER (A. HERZEN).

AN APPROPRIATION RUSSE
A. HERZEN

«L'Étoile polaire» (*) disparaît derrière les nuages du règne de Nicolas.

Nicolas a passé, et l'Étoile reparait de loin. Le jour de notre Vendredi saint, le jour où pour nous cinq sibériens sont devenus cinq crucifiés.

La première publication périodique en langue russe, affranchie des entraves de la censure, prend le titre que nous avons choisi pour témoigner la continuité de la tradition, la succession du travail, le majorat révolutionnaire. Nous nous rattacheons par ce titre à nos pères.

(*) «L'Étoile polaire» et la «Maisonnette» ont été deux publications périodiques faites par des membres de la conspiration de 1825. Mikouï et Wodouïeff ont été rédacteurs de la première; le Prince Oubliouky et Kurbelbocker de la seconde.

зил его. За три дня до известия о смерти матери он получил от нее письмо, и она была еще здорова.

У Мишле скончалась дочь, бывшая замужем за Дюменилем.

Доманже издает книгу о напитках, а я их иногда попиваю.

Весь ваш

А. Герцен

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

² Римини — лицо неустановленное.

³ Речь идет о втором томе «Истории Франции шестнадцатого века» Мишле — «Реформа» («Réforme»). Второй том вышел вслед за первым (о первом см. примеч. 4 к письму № 18).

26

<Richmond.> 28 août <1855>
Cholmondeley Lodge

Cher PIANCIANI,

Voilà l'article qui vient frapper à la porte de l'Homme pour trouver un gîte¹. — Si vous pensez qu'il faut le transcrire — donnez-le à quelqu'un (à mes frais).

La Gazette d'Augsbourg dit que lorsque L<ouis> Bonap<arte> attendait la reine regardant les arcs de triomphe et les bannières, il était frappé (vous savez qu'on est fataliste) du mot lugubre «N E V A» (le fleuve) qui était partout — et il devint triste et pensif². — C'est bon pour l'Homme.

Je vous serre la main et je n'ai pas aujourd'hui assez de temps pour écrire plus.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

«Ричмонд» 28 августа <1855 г.>
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианччани,

Вот вам статья, которая стучится в дверь «L'Homme», ища там пристанища¹. Если вы думаете, что ее надо переписать, поручите это кому-нибудь (за мой счет).

«Аугсбургская газета» сообщает, что когда Л(уи) Бонап(арт), ожидая королеву, любовался триумфальными арками и знаменами, его поразило (вы же знаете, — мы фаталисты) роковое слово «Н Е В А» (река), начертанное повсюду, и он стал печален и задумчив². Это пригодится для «L'Homme».

Жму вашу руку; сегодня у меня нет времени написать побольше.

Весь ваш

А. Герцен

¹ Статья «К нашим» — см. примеч. 2 к письму № 24.

² Во время торжеств по случаю посещения королевой Викторией Парижа в августе 1855 г. многие здания города были украшены транспарантами с буквами N.E.V.A. (Наполеон, Евгения, Виктория, Альберт), сочетание которых давало слово «Нева». Заметка, обратившая на себя внимание Герцена, появилась не только в «Аугсбургской газете», но и в ряде других. Печать отмечала, что эта случайность невольно напоминала Наполеону «о северном противнике, с которым он борется», и об исходе войны 1812 г. (см. «Русский инвалид», № 186 от 25 августа 1855 г.).

27

Isle of Wight. Ventnor
8 sept<embre> 1855. Samedi

Cher Pianciani,

J'ai remis il y a deux semaines le volume de Michelet pour Ribeyrolles à Teleki¹. Je vous conseille de lire dans le premier chapitre la réhabilitation de la famille juive et en général sa manière d'expliquer François I.

Je remercie pour l'admission de l'article, c'est bien dommage qu'il y a beaucoup de fautes — une est horrible et tue l'article, celle-là il faut la corriger — moi je dis que *«les Polonais désirent pour nous la liberté et nous désirons pour eux l'indépendance»* — et l'Homme dit que *«les Polonais désirent la liberté pour nous et l'indépendance pour eux»* — avec cela la conclusion devient absurde. Cela me rappelle que dans une autre occasion — la phrase *«On ne peut créer que dans le chaos»* a été imprimée *«on ne peut créer dans le chaos»*. Des fautes pareilles emportent complètement un article².

Après de longues discussions, je me suis encore une fois décidé d'aller à Ventnor au lieu de Jersey. Une des causes est très prosaïque, c'est que le voyage avec une famille entière coûte la moitié pour aller à Ventnor et il y a très peu de mer à traverser (les enfants sont toujours malades sur mer).

Je reste ici deux semaines encore. Kossuth est ici et Pulsky³.

Je vous serre la main et adieu.

A. Herzen

Перевод:

Остров Уайт. Вентнор
8 сент<ября> 1855. Суббота

Дорогой Пианччани,

Две недели назад я передал Телеки для Рибейроля томик Мишле¹. Советую вам прочесть в первой главе о реабилитации еврейской семьи и вообще обратить внимание на то, как он толкует Франциска I.

Спасибо, что приняли статью; к сожалению, там много ошибок — одна из них ужасна, она губит статью; ошибку нужно исправить. Я говорю, что *«поляки желают для нас свободы, а мы желаем для них независимости»*, — а «L'Homme» говорит, что поляки желают *«для нас свободы, а для себя независимости»*; после этого вывод теряет всякий смысл. Это напоминает мне, как в другом случае, вместо

фразы: «Создавать можно только из хаоса», было напечатано: «Невозможно создавать из хаоса». Подобные ошибки могут совершенно зарезать статью².

После долгих обсуждений я решил опять поехать в Вентнор вместо Джерси. Одна из причин весьма прозаическая, — ведь путешествие в Вентнор со всем семейством стоит вполтину дешевле и туда недолго плыть морем (дети всегда страдают морской болезнью).

Я останусь здесь еще недели на две. Здесь Кошут и Пульский³.

Жму вашу руку и прощайте.

А. Герцен

¹ Подразумевается «Реформа» Мишле (см. примеч. 3 к письму № 25).

² Имеются в виду опечатки, вкравшиеся в публикацию статьи «К нашим» в газете «L'Homme». Исправление этих опечаток было сделано в № 42 «L'Homme» от 19 сентября 1855 г.

³ См. стр. 422 настоящего тома.

28

28 sept<embre 1855>. Isle of Wight.
Ventnor. St. Augustins villas

Cher Pianciani,

Dans six jours je reviens à Richmond et je ferai ce qui sera faisable chez Rotschild. Je dois vous prévenir pourtant que cette maison m'a donné encore une fois la preuve qu'elle n'est pas trop disposée à être aimable. Il s'agissait d'une toute petite affaire pour Talendier; mon Dieu, que de correspondances, de scepticisme, de pourparlers.

Avez-vous enfin eu entre vos mains Michelet?

Et dites-moi est-ce qu'à Jersey on est édifié de la lettre encyclique et apostolique de Ledru Rollin, Mazzini etc.¹? — Ma fille Olga est quelquefois prise d'un accès de bavardage sans fin, je lui dis: «Il ne faut jamais parler lorsqu'on a rien à dire — il faut respecter la parole humaine».

La chose la plus étrange c'est que Kossuth est parti d'ici le 20 ou le 21. J'ai eu occasion de le plus voir, c'est un homme d'immensément d'esprit tout pratique — à peine arrivé — une proclamation.

Peut-être je me trompe — mais cela me paraît un grand certificat de ce qu'on sent que le terrain manque sous les pieds. Et les circonstances, les circonstances sont d'une gravité... plus enceinte, que la pauvre Eugénie qui n'est pas chargeable².

Cher Pianciani, ces réflexions je vous les communique tout franchement — mais laissons les entre nous.

Votre tout dévoué

А. Н е р з е н

П е р е в о д:

28 сент<ября 1855 г.> Остров Уайт,
Вентнор. St. Augustins villas

Дорогой Пианчиани,

Через неделю я вернусь в Ричмонд, буду у Ротшильда и сделаю все, что возможно. Должен вас предупредить, однако, что этот банкирский дом еще раз доказал, что он не слишком склонен быть любезным. Речь шла о совсем пустяшном деле, касавшемся Таландье; бог ты мой, сколько тут было переписки, сомнений, переговоров!

Получили ли вы, наконец, книгу Мишле?

Скажите мне, знают ли на Джерси о соборно-апостольском послании Ледрю-Роллена, Маццини и прочих?¹ — У моей дочери Ольги бывают иной раз припадки безудержной болтовни. Тогда я учу ее: «Никогда не надо говорить, если тебе нечего сказать, надо уважать человеческое слово».

Самое удивительное то, что Кошут уехал отсюда 20-го или 21-го. Я имел случай узнать его короче; это человек необычайно практического склада ума: не успел приехать — и уже возвращение.

Может быть, я ошибаюсь, но это кажется мне веским доказательством того, что почва колеблется у них под ногами. А обстоятельства чреватые серьезными последствиями ... более чреватые, чем бедняжка Евгения, которая все не может забеременеть².

Дорогой ПIANCIANI, я делюсь с вами этими размышлениями со всей откровенностью, но пусть это останется между нами.

Всецело вам преданный

А. Герцен

¹ Герцен называет «соборно-апостольским посланием» обращение Ледру-Роллена, Мадзини и Кошута (сентябрь 1855 г.) ко всем республиканцам Европы с призывом начать революционное выступление, для которого, по мнению авторов, после падения Севастополя наступил подходящий момент. Война, говорится в обращении, ослабила европейские государства, их раздирают противоречия, между ними нет единства, которое помогло им в 1848 г. подавить революцию. Настало время дерзания, а дисциплина и организованность обеспечат демократии победу. Послание не выдвигает никакой положительной программы упразднения «вопиющих несправедливостей» современного социального строя, не указывает путей избавления «народных масс от страданий». Победившая революция, говорится в воззвании, сама подскажет, что надо делать в этом направлении, ибо «из жизни зарождается жизнь», «свобода оплодотворяет разум» и т. д. Обращение вышло отдельной брошюрой. «L'Homme» перепечатал ее (№ 43 от 26 сентября 1855 г.).

² У императрицы Евгении долго не было детей, что осложняло вопрос о престолонаследии и служило неоднократно предметом обсуждения европейской прессы. Шутка Герцена — вероятно, отклик на какую-нибудь очередную газетную информацию на эту тему.

29

15 octobre (1855)

Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher PIANCIANI.

Si vous désirez seulement une «référence» de Rot<schild> je pense qu'il la donnera. J'ai parlé au commis, il a dit d'abord que dans les *affaires commerciales* la maison ne donne jamais de refus. Après, que moi je peux donner une référence, et qu'ils donneront une pour moi (c'est ainsi qu'ils ont fait dans l'affaire de Haug). Ils disent qu'ils ne connaissent pas cette banque d'escompte.

Voulez-vous que j'y aille, donnez l'adresse, je ferai mon possible; vous savez que la référence pure et simple est une invention anglaise — Rot<schild> n'escomptera pas pour cela les lettres de change, ni ne les acceptera sans avoir envoyé à qui de droit pour l'acceptation. L'utilité donc d'une pareille référence n'est pas fameuse.

Vous avez vu le triste résultat de la lettre encyclique et apostolique de Ledru R<ollin>... les journaux anglais les ont abimé, et voilà Louis Blanc qui a fait une protestation très polie, mais où il leur a dit à la fin des vérités assez dures.¹ Vous dites que vous ne voyez pas l'utilité de cet acte — c'est assez condamner. Ce n'est que lorsqu'on fait la gymnastique — qu'on fait des mouvements qui ne sont utiles qu'à celui qui se moue.

Si vous le désirez vous pouvez prendre dans une *circulating libr<ary>* les deux volumes de mes mémoires qui ont paru en Anglais sous le titre *My Exile in Siberia* (je n'ai jamais été en Sibérie — c'est une farce de l'éditeur, j'étais de ce côté des Monts Ouraliens)² — lisez cela, vous rirez beaucoup, j'impose aussi ce dévouement littéraire de la part de Teleki. Je vous aurais envoyé un exemplaire, mais l'éditeur n'a pas donné d'exempl<aires> à m-elle Meysenbug qui a traduit.

Teleki m'a promis un article sur la guerre en Hongrie³, s'il est dans ces mêmes bonnes dispositions je le prie beaucoup sur les détails *comment on a livré* les prisonniers hongrois aux Autrichiens — et sur la conduite des officiers russes.

Je vous serre la main.

A. Herzen

Перевод:

15 октября <1855 г.>

Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой Пианчини.

Если вам нужна только «рекомендация» от Рот<шильда>, то, я думаю, он ее даст. Я говорил с его служащим. Сначала тот сказал, что в *делах коммерческих* банкирский

ЛОНДОН. ЧИПСАЙТ

Гравюра из книги: «The History of London, illustrated... by J. Woods», 1849

«Вчера я ехал на омнибусе от С. Павла на Чипсайт...»
(из письма к М. К. Рейхель от 12 апреля 1855 г.)

дом никогда не отказывает. Затем, что рекомендацию могу дать я, а они дадут ее мне (как они поступили в деле Гауга). Они утверждают, будто этот учетный банк им неизвестен.

Если хотите, чтобы я пошел туда, — дайте адрес, и я сделаю все, что могу; но простая личная рекомендация, как вам известно, — чисто английская выдумка. Рот<шильд> не учтет векселей и не примет их, не послав на подтверждение, кому следует. Поэтому польза от подобной рекомендации невелика.

Вы видели, к какому плачевному результату привело соборно-апостольское послание Ледрю-Р<оллена>; английские газеты обрушились на них, а теперь Луи Блан в вежливой форме заявил протест, высказав им напоследок немало горьких истин¹. Вы говорите, что не видите никакой пользы от подобного выступления. Довольно уж осуждать! Только при гимнастических упражнениях делают движения, полезные лишь для того, кто их делает.

Если хотите, можете взять в circulating library * два тома моих воспоминаний, вышедших на английском языке под названием «My Exile in Siberia» ** (я никогда не был в Сибири — это глупая выдумка издателя, — я жил по эту сторону Уральских гор) ². Прочтите это, вы вволю посмеетесь. Я жду такого же литературного самопожертвования со стороны Телеки. Я послал бы вам экземпляр, но издатель не дал экземпляра м-ль Мейзенбург, которая переводила <книгу>.

Телеки обещал мне статью о венгерской войне ³; если он еще не отказался от этого доброго намерения, я прошу его дать побольше подробностей о том, как выдали венгерских пленных австрийцам, и о поведении русских офицеров.

Жму вашу руку.

А. Герцен

¹ См. примеч. 1 к предыдущему письму. Особенно резким нападкам подвергалось послание со стороны «Times». Луи Блан выпустил специальную брошюру, посвященную критике послания (Louis B l a n c. Observation sur une récente brochure de Kosuth, Ledru-Rollin et Mazzini. Londres, 1855. Перепечатана в «L'Homme» №№ 49 и 50 от 17 и 24 ноября 1855 г.).

² Название книги, произвольно проставленное английскими издателями на переводе «Тюрьмы и ссылки», послужило поводом для клеветнических выпадов английской печати против Герцена (см. об этом в примеч. 2 к письму к Саффи № 17).

³ В первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» помещено извещение о публикации в одной из дальнейших книг статьи А. Телеки «О венгерской войне 1849 г.». Статья эта ни в «Полярной звезде», ни в других герценовских изданиях не появилась.

30

19 novembre <1855>. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher Pianciani,

Je vous remercie beaucoup pour avoir pensé à moi, mais malheureusement vous êtes pour la première fois sous le célèbre cri romain *troppo tardi*¹. J'ai déjà pris une petite et très gentille maisonnette à S. John's Wood, *New Finchley Road* — Petersborough villas (à côté du Suisse Cottage que tout le monde connaît).

N'étant pas trop riche en ce moment, je ne vous envoie avec Domengé qu'une livre — je déménage vers le 4 décembre et je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen

Перевод:

19 ноября <1855 г.>. Ричмонд.
Cholmondeley Lodge

Дорогой Пианчани,

Я очень благодарен, что вы подумали обо мне, но, к несчастью, на этот раз к вам впервые можно применить знаменитое римское восклицание «*troppo tardi*» ***¹. Я уже снял небольшой, очень славный домик в S. John's Wood, *New Finchley Road* — Petersborough villas (рядом со Швейцарским коттеджем, который все знают).

В данное время я не при деньгах и потому посылаю вам с Доманже только один фунт. Я собираюсь переехать к 4 декабря и плюю вам поклон от всего сердца.

А. Герцен

¹ «*troppo tardi, sante padre, troppo tardi!*» («слишком поздно, святой отец, слишком поздно!») — этими словами была встречена в 1848 г. революционным Римом «тощая и уродливая конституция», изданная папой Пием IX (ср. «Письма из Франции и Италии», изд. АН, т. V, стр. 124).

* передвижной библиотеке (англ.).

** «Моя ссылка в Сибирь» (англ.).

*** слишком поздно (итал.).

31

<Londres.> 18 janvier <1856>. 6 heures 2'15"

Cher PIANCIANI,

Tandis que tous les journaux cautérisent la chaude... «Peace»¹, vous m'acablez de malheurs, de remords, — moi je sors, vous venez, mais enfin — *Corpo di Bacco di Verulam!* est-ce que je n'ai pas de feu, de livres, de piano pour vous reposer un instant, un quart d'heure. Enfin Francesco (non de Rimini, mais de Lucca)² me dit: «Ils sont postés il y a dix minutes».

Je vous conjure, je vous prie, je sollicite de réparer cette faute — écrivez-moi 24 heures> d'avance et je vous attendrai, autrement pas de *peace*, pas d'ultimatum, pas d'Esterhazy, Seebach et Schlipenbach³.

J'ai cherché, cherché dans mes paperasses q<uel>q<ue> chose pour l'Almanach, mais il n'y a rien de détachable⁴.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 18 января <1856 г.>. 6 часов 2'15"

Дорогой ПIANCIANI,

В то время как газеты раздувают новоиспеченный... «Peace»^{*1}, вы доставляете мне страдания и угрызения совести: не успею я уйти — вы приходите. Но в конце концов — *Corpo di Bacco di Verulam!*^{**} разве нет в моем доме огня, книг, фортепиано, чтобы вы могли отдохнуть немного, хотя бы четверть часа? И вот Франческо (не «да Римини», а «да Лукка»)² объявляет мне: «Они изволили здесь быть десять минут назад».

Заклинаю вас, прошу, убеждаю исправить эту ошибку; напишите мне заранее, за 24 часа>, и я буду вас ждать, иначе никакого «peace», никаких ультиматумов, ни Эстергази, ни Зебаха, ни Шлипенбаха³.

Я рылся, рылся в своих бумагах, чтобы извлечь что-нибудь для Альманаха, но нет ничего цельного⁴.

Весь ваш

А. Герцен

¹ В начале января 1856 г. Россия согласилась пойти на мирные переговоры.

² Шутка: подразумевается Франсуа (Франческо), слуга Герцена, итальянец по происхождению, уроженец провинции (или города) Лукка (Лусса).

³ Валентин Эстергази, австрийский посол в Петербурге. Через него России был передан австрийский ультиматум принять предложенные ей прелиминарные условия мирного договора. Лео Зебах — саксонский посланник во Франции. Был женат на дочери Нессельроде. Служил посредником в тайных переговорах между Наполеоном III и Александром II. Шлипенбах — лицо неустановленное.

⁴ Речь идет об «Альманахе изгнания на 1856 г.». Извещение о предстоящем выходе альманаха в свет было помещено в «L'Homme» (1855, № 53 от 28 декабря). Среди авторов, говорилось в извещении, — «европейская демократия найдет свои любимейшие имена». Альманах должен был обеспечить непрерывность пропагандистской деятельности, нарушенной изгнанием «L'Homme» с Джерси (см. вступительную статью к публикуемым письмам). Вышел ли альманах и участвовал ли в нем Герцен — установить не удалось из-за отсутствия в наших книгохранилищах комплекта «L'Homme» за 1856 год, а также изданий, выпускавшихся редакцией газеты в 1856 году.

Приведем попутно некоторые дополнительные данные о газете «L'Homme», которыми мы ранее не располагали (ср. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 218). Издание газеты, после вынужденного переезда редакции в Лондон, возобновилось, и она выходила по 13 августа 1856 г. В номере от 7 июня была напечатана статья Герцена «En marche! En marche!» («Вперед! Вперед!»). Однако, когда именно начала выходить газета: 1856 г. и ограничилось ли участие Герцена в этот период ее существования указанной статьей, остается нам не известным.

* мир (англ.). В подлиннике каламбур.

** Каламбур: «Corpo di Bacco» — по-итальянски «чёрт побери», «Bacco di Verulam» — латинская транскрипция имени Франсиса Бэкона Веруламского.

32

〈Лондон. Между 18—22 января 1856 г.〉

Cher Pianciani,

Je suis au désespoir, vous avez été deux fois sans me trouver, aujourd'hui à 7 h<eures> et demain à 9 je serai à la maison.

Tout à vous

А. Герцен

Перевод:

〈Лондон. Между 18—22 января 1856 г.〉

Дорогой Пианччани,

Я в отчаянии: вы заходили два раза и не застали меня; я буду дома сегодня в 7 ч<асов> и завтра в 9.

Весь ваш

А. Герцен

33

〈Londres.〉 22 janvier 〈1856〉. Peterboro villas.
Finchley. New Road

Cher Pianciani,

Je vous attends, ainsi que M. Ribeyrolles, jeudi à 6 heures, d'autant plus que je suis *solo solissimo* — ce jour, les enfants sont invités à je ne sais quelle *soirée matinale*.

Je me sens un peu coupable envers vous et M. R<ibeyrolles>, mais je vous assure, ce n'est pas manque de bonne volonté — j'ai cherché, cherché q<uel>q<ue> chose pour l'Almanach¹ et je n'ai rien trouvé. En général tout le dernier temps le travail va mal chez moi: je commence à vieillir (comme me disait le général Thierd² âgé de 83 ans).

Tout à vous

А. Герцен

Перевод:

〈Лондон.〉 22 января 〈1856 г.〉 Peterboro villas.
Finchley. New Road

Дорогой Пианччани,

Я жду вас, так же как и г. Рибейроля, в четверг, к 6 часам, тем более, что буду *solo solissimo** в этот день — мои дети приглашены на какой-то *утренний вечер*.

Я чувствую себя немного виноватым перед вами и г. Р<ибейролем>, но уверяю вас, дело не в отсутствии желания — я искал, искал чего-нибудь для Альманаха, но ничего не нашел¹. Вообще за последнее время работа идет у меня туго: я начинаю стареть (как говорил мне генерал Тьерд² в возрасте 83 лет).

Весь ваш

А. Герцен

¹ См. примеч. 4 к письму № 31.

² Тьерд — лицо неустановленное.

34

〈Путней. 17 октября 1856〉

Cher Pianciani,

Votre bien triste nouvelle m'est parvenue. Je vous serre la main, et je demande la permission de le faire un de ces jours personnellement.

* один-одинёшенек (итал.).

Je suis très et très sensible à ce que vous vous êtes rappelé de moi au milieu de votre douleur¹. Je vous remercie et suis votre

Tout dévotissime
A. Herzen

17 oct<obre>
At M—r Tinkler's
Putney.

В ДЕНЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ МИРА В ЛОНДОНЕ. ТОЛПА У РАТУШИ

«The Illustrated London News» от 5 апреля 1856 г.

Перевод:

<Путней. 17 октября 1856 г.>

Дорогой Пианчиани,

До меня дошла печальная весть о вашем несчастье. Крепко жму вам руку и прошу разрешения сделать это лично в ближайшие дни.

Я очень, очень тронут, что вы вспомнили обо мне в вашем тяжелом горе¹. Благодарю вас и остаюсь

бесконечно вам преданный
А. Герцен

17 октября
у м-ра Тинклера.
Путней.

¹ У Пианчиани умер отец (см. в письме к Саффи № 21).

<Londres.> 1 novembre <1856>

donné dans notre hôtel à Haymarket

Cher Pianciani,

Je pense que l'affaire est faisable, je pars lundi de Putney avec le train de 2 h<eures> 26, donc j'arrive à la Banque à 3 h<eures> et 15 ou 20 minutes. Il y a au coin de la rue <...> *hapread* * où les omnibus s'arrêtent un grand café (Taverne Européenne) je <crois> **, voulez-vous m'attendre là, je pren<drai>—vous pensez que je vous prendrai? — non, un verre d'absinthe—et après nous irons chez *Rot-child*. Si je ne vous trouve pas, je vous chercherai devant la Banque, au commencement de Lombard Street.

Hier en rentrant j'ai trouvé mon lit occupé... par une belle *girl*, pensez vous — non par Saffi, qui est reparti ce matin à 8 h<eures>.

 Apportez, de grâce n'oubliez pas le № de l'*Italia del Popolo* concernant Galenga, j'ai parlé aux correspond<ants> de tous les journaux allemands ¹.

Перевод:

<Лондон.> 1 ноября <1856 г.>

писано в нашей гостинице на Haymarket

Дорогой ПIANЧИАНИ,

Я думаю, что это дело вполне исполнимое; в понедельник я выезжаю из Путнея с поездом, отходящим в 2 ч. 26 м. значит, буду у банка в 3 ч. 15 или 20 минут. Там, на углу улицы <нрзб.>*, у остановки омнибуса, есть большое кафе (Европейская таверна, мне <кажется> **); будьте добры подождать меня там, я возьму — вы думаете, вас? — нет, стакан абсента, а потом мы отправимся к Рот-чайльду***. Если я не найду вас там, то поищу около банка, в начале Lombard street.

Вчера, вернувшись домой, я обнаружил, что моя постель занята... прелестной *girl*****, думаете вы, нет — Саффи, который исчез сегодня в 8 <часов> утра.

 Пожалуйста, не забудьте захватить № «*l'Italia del Popolo*», касающийся Галенги, я говорил с корреспонд<ентами> всех немецких газет... ¹

¹ Антонио Галленга (Gallenga, 1812—1895) — итальянский журналист и политический деятель. В 1833 г. Галленга решил совершить покушение на пьемонтского короля Карла-Альберта, реакционная политика которого препятствовала делу итальянского освобождения. Галленга сообщил о своем намерении Маццини, который снабдил его оружием и необходимыми средствами для выполнения террористического акта. Однако у Галленги не хватило мужества действовать и, не осуществив покушения, он бежал из Турина, а затем эмигрировал. В 1848 г. он принял участие в итальянском революционном движении, вторично эмигрировал и жил в Лондоне, а в 1854 г. снова вернулся на родину, где был избран депутатом пьемонтского парламента. В 1855 г. Галленга написал и издал на английском языке «Историю Пьемонта». В этой книге он рассказал, не назвав себя и не совсем точно изложив факты, о несостоявшемся покушении на жизнь Карла-Альберта, допустив при этом ряд выпадов против Маццини. Когда в 1856 г. вышел итальянский перевод «Истории Пьемонта», в «*Italia e Popolo*» появилась статья с протестом против искажения Галленгой исторической правды и письмо Маццини, в котором тот открыл имя Галленги как инициатора покушения. Это разоблачение вызвало оживленную полемику в итальянской печати и получило отклик в международной прессе (см., например, «*Le Nord*», №№ 311 и 316 от 6 и 11 ноября 1856; «*Allgemeine Zeitung*», №№ 312 и 316 от 6 и 10 ноября 1856 г.). Галленга был вынужден сложить с себя депутатские полномочия. Надо думать, что в связи с этим инцидентом Герцен и просил у ПIANЧИАНИ номер «*Italia e Popolo*» с материалом о Галленге (в транскрипции Герцена: Gallenga). Самый материал этот остался нам неизвестным, так как комплекты «*Italia e Popolo*» тех лет отсутствуют в советских книгохранилищах, и о чем именно говорил Герцен с немецкими корреспондентами — установить не удалось.

* Часть текста залита чернилами.— *Ред.*** Читается предположительно по той же причине.— *Ред.*

*** Каламбур: т. е. Ротшильду («rot» — по-немецки «красный», «child» — по-английски «дитя»).

**** девушкой (англ.).

36

15 février <1857>. At m-r Tinkler. Putney

Cher PIANCIANI,

Sans bien savoir votre adresse je risque de vous envoyer cette lettre à Gênes. — Rotschild m'a dit qu'il n'avait pas encore de communication de Rome concernant les 200 liv<res> (la lettre de change était échue le 3 ou le 4 fév<rier>) — faites-moi l'amitié de m'écrire si l'on a versé l'argent à Rome — il m'est très nécessaire pour ce temps.

Vous pourriez me faire un service vraiment amical, et un service pour la cause. On écrit à mon libraire qu'il y a une demande de livres russes très forte — à Nice, pourtant Visconti¹ ne m'a rien écrit — si l'on pourrait intéresser la rédaction d'un journal ami (j'écris et j'ai déjà fini un article sur la Russie qui doit paraître dans l'*Italia e Popolo*)² à pousser cette vente. J'en ai parlé ici à nos amis communs et je suis prêt à envoyer une caisse — en mettant à la disposition de la rédact<ion>, c'est à dire de la cause, le produit. Pour la seconde je ferai un rabais de 40%, je ne prendrai pourtant pas les frais de voyage.

Adieu, cher PIANCIANI, chez nous tout va tranquillement. Le 9 nous avons enterré le pauvre Worcell. Domengé est à Genève.

Je salue beaucoup Medici³.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

15 февраля <1857 г.>. У м<исте>ра
Тинклера. Путней

Дорогой ПIANCIANI,

Не зная хорошенько вашего адреса, отправляю вам это письмо на риск в Геную. Ротшильд сказал мне, что еще не получал извещения из Рима относительно 200 фунтов (срок переводного векселя истек 3 или 4 фев<раля>) — сделайте одолжение, напишите, были ли внесены деньги в Риме — в настоящее время они мне очень нужны.

Вы могли бы оказать истинно дружескую услугу и мне, и нашему делу. Моему книгопродавцу сообщили, что в Ницце большой спрос на русские издания, однако Висконти¹ ничего мне не написал; нельзя ли привлечь какую-либо дружественную газету для содействия распродаже книг (я пишу и даже заканчиваю статью о России, которая должна печататься в «*Italia e Popolo*») ². Я советовался здесь с общими друзьями и готов отправить партию литературы, предоставив в распоряжение редакции, то есть в пользу нашего дела, весь доход. Для второй партии я сделаю скидку в 40%, однако не возьму на себя дорожных расходов.

Прощайте, дорогой ПIANCIANI, у нас все благополучно. 9-го числа мы похоронили бедного Ворцеля. Доманже сейчас в Женеве.

Очень кланяюсь Медичи³.

Весь ваш

А. Герцен

¹ Книгопродавец в Ницце.

² Подразумевается «Письмо к Джузеппе Мадзини о современном положении России». Было напечатано на итальянском языке в «*Italia e Popolo*» (№ 18 от 10 марта 1857 г.; см. VIII, 402—408).

³ Джакомо Медичи (1819—1882) — деятель итальянского национально-освободительного движения. Герцен познакомился с Медичи в 1848 г. в Женеве, а позднее сблизился с ним (см. в «Былом и думах» — изд. АН, т. X, стр. 76—78).

37

4 mars <1857>. At m-r Tinkler. Putney

Cher PIANCIANI,

Ne m'en voulez pas de ma question, cela vous montre seulement le bon ordre dans la maison de R<otschild> ici. Comment diable mettre tant de nonchalance dans les *business*.

L'article pour l'*Italia* <e Popolo> a été commandé par M<azzini> et il l'a envoyé déjà¹. Si vous voulez, insérez un autre sur la mort de Worcell et sur les attaques ignobles qui l'ont suivi jusqu'à High Gate. Je vous enverrai dans tous les cas dans 3, 4 jours mon article².

Je ne sais absolument rien sur Domengé. On disait ici que Fabricotti a eu divers reproches à lui faire, Talandier a été chez lui, et je pense qu'il n'y a rien ou des bagatelles que Fabr<icotti> met en avant³.

On a demandé à 3 reprises des livres russes de Nice — si on me donnait un libraire sûr, je lui aurais envoyé la 1 fois le produit pour notre cause, la 2 je céderai 50% — *that is the question*.

Adieu, cher Pianciani, Ribeyrolles est retourné sous les ailes de Hugo⁴ — et tout en général va un peu à tous les diables.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

4 марта <1857 г.>. У м-ра Тиннлера. Путней

Дорогой Пианчиани,

Не обижайтесь на мой вопрос, это только доказывает аккуратность банкирского дома здешних Р<отшильдов>. Можно ли, черт побери, допускать такую беззаботность в *business*е*!

Заказ на статью для «*Italia* <e Popolo>» исходил от М<аццини>, и он уже отослал ее¹. Если хотите, поместите другую о смерти Ворцеля и о подлых нападениях, преследовавших его до самого High Gate**. Во всяком случае, через 3—4 дня я вам пришлю свою статью².

Я решительно ничего не знаю о Доманже. Здесь говорили, будто у Фабрикотти³ было много поводов упрекать его; Таландые был у него, и я думаю, что здесь ничего нет или какие-нибудь пустяки, которые раздувает Фабр<икотти>.

Из Ниццы три раза приходило требование на русские книги, — если бы мне указали надежного книгопродавца, я послал бы туда литературу, уступив первый раз весь доход в пользу нашего дела, во второй сделал бы скидку в 50% — *that is the question****.

Прощайте, дорогой Пианчиани, Рибейроль вернулся под крылышко Гюго⁴ — и вообще все понемножку идет ко всем чертям.

Весь ваш

A. Герцен

¹ Речь идет о статье «Смерть Станислава Ворцеля», напечатанной на русском языке в 3-й книге «Полярной звезды на 1857 год» и вышедшей отдельным изданием во французском переводе («L'Etoile Polaire» sur la mort de Stanislas Worzell (traduit du russe). London, 1857). Статья появилась в «*Italia e Popolo*», от 19 марта 1857 г. (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 799).

² Какую статью хотел прислать Герцен Пианчиани — нам неизвестно.

³ Фабрикотти — лицо, упоминаемое в письмах Маццини к Саффи («Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi.....», р. 208, 211, 213). В чем упрекал Фабрикотти Доманже, нам неизвестно.

⁴ Гюго жил тогда на острове Гернси. Возможно, что Рибейроль ездил туда к нему, прежде чем уехать в Бразилию (1858 г.).

<Putney. 15 juin 1857>

Cher Pianciani,

J'ai endossé immédiatement votre lettre de change, — je connais votre exactitude et ensuite si les Fratelli Cabasi <?> n'acceptent pas — vous devez leur écrire.

Tout à vous *ora e sempre*

A. Herzen

15 juin 1857

Putney.

* денежных делах (англ.).

** Хайгейта (кладбище в Лондоне). — *Ред.*

*** вот в чем вопрос (англ.).

Перевод:

«Путней. 15 июня 1857 г.»

Дорогой ПIANCIANI,

Я немедленно сделал передаточную надпись на вашем векселе, — я знаю вашу аккуратность. Теперь, если fratelli* Капази(?) не примут вексель, вы должны им написать.

Весь ваш ora e sempre**

А. Герцен

15 июня 1857 г.

Путней.

НОМЕР ГАЗЕТЫ «L'ITALIA DEL POPOLO» ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1858 г. ЗДЕСЬ
НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ ЗАГОВОР 1825 ГОДА».

Экземпляр, присланный Герцену

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

39

30 novembre 1859. Park house. Fulham

Cher Pianciani,

Voilà que votre lettre est déjà une semaine chez moi — et votre livre ne vient pas¹. Comment l'avez-vous envoyé? Pour me venger je vous offre aussi une de mes publications — les mémoires de l'impératrice Catherine II — elle vaut bien un pape, au moins la papesse Jeanne. Ces mémoires sont complètement authentiques, et le gouvernement russe à été furieux de la publication².

Eh bien, que dites-vous de tout ce qui se passe? La mort à droite, la mort à gauche et la putréfaction au milieu³.

Saffi m'a dit qu'il vous a vu à Wiesbaden. Comment va votre santé?

Chez nous tout va bien doucement, nous imprimons, imprimons des feuilles et des volumes russes, la propagande va très bien. J'ai été avec Alexandre pour quelques jours à Bruxelles — la police s'est inquiétée de ma présence et j'ai eu encore une preuve que continent est impossible⁴.

* братья (итал.).

** теперь и всегда (итал.).

Nous restons dans des brouillards humidement libres à Londres.

Je vous serre la main. Ogareff et m-me vous saluent. Alexandre est à Rome étudiant la médecine⁵.

Votre tout dévoué

Al. Herzen

J'enverrai le livre demain.

Savez-vous que Talandier a une très bonne place à la «Royal <нрзб.> Sandhurt» école. Domengé est à Neufchatel faisant un journal.

Перевод:

30 ноября 1859. Park house. Fulham

Дорогой Пианчиани,

Вот уже неделя, как ваше письмо у меня, а книга все не приходит¹. Через кого вы ее послали? В отместку посылаю вам одно из моих изданий, записки импер<атрицы> Екатерины II — она стоит любого папы, по крайней мере папессы Иоанны. Эти записки целиком подлинные, и русское правительство было крайне разгневано их опубликованием².

Ну, что вы скажете о всем происходящем? Направо смерть, налево смерть, посредине гниение³.

Саффи сказал, что видел вас в Висбадене. Как ваше здоровье?

Мы живем потихоньку, печатаем да печатаем русские газеты и книги, пропаганда идет очень хорошо. Мы с Александром на несколько дней ездили в Брюссель, полиция была обеспокоена моим появлением, а я убедился еще раз, что жить на континенте невозможно⁴.

Итак, мы остаемся в сыром и вольном воздухе лондонских туманов.

Жму вашу руку. Огарев и супруга вам кланяются. Александр изучает медицину в Риме⁵.

Всецело вам преданный

Ал. Герцен

Книгу пошлю завтра.

Знаете ли вы, что Таландье получил очень хорошее место в «Ройал <нрзб.> Сендхерт» школе. Домажже в Невшателе издает газету.

¹ Речь идет, очевидно, о книге Пианчиани «La Rome des papes...», вышедшей в свет в Базеле в 1859 г. (см. вступительную статью, стр. 360).

² Вероятно, французское издание «Записок» Екатерины, появившихся одновременно на русском, немецком и шведском языках («Mémoires de l'Impératrice Catherine II écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen». Londres. 1859). Русское правительство пыталось помешать выходу книги в свет (см. IX, 385—386).

³ Подразумеваются итальянские события: сделка Наполеона III с Австрией; заключение (ноябрь 1859 г.) Цюрихского мирного договора, по которому за Австрией, несмотря на ее поражение в австро-итало-французской войне, оставлялась Венеция и которой делался ряд других уступок: отстранение от командования Гарибальди, настаивавшего на продолжении военных действий, и т. д. «К горести наших доктринеров, — писал Герцен в те же ноябрьские дни 1859 г. М. А. Маркович, — Запад еще осунулся, еще ближе к смерти. Наглое вмешательство Наполеона в дела Италии и отставка Гарибальди это — такие два шага, от которых не поздоровится» (X, 158).

⁴ Герцен пробыл в Брюсселе с 1 по 5 октября 1859 г. Он ездил с целью выяснить возможность обосноваться в Брюсселе и продолжать там выпуск изданий Вольной русской печати. Бельгийская полиция, следившая за Герценом еще с 1852 г., была действительно весьма встревожена его приездом и дала ему понять, что разрешение поселиться в Бельгии он не получит (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 297—305).

⁵ Среди писем Герцена к Пианчиани сохранилось также письмо к последнему А. А. Герцена из Флоренции от 27 декабря 1864 г., в котором он сообщает о предстоящей своей поездке к отцу в Женеву.